

Синглыный

СМЕНА

18
1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Казимир ЛИСОВСКИЙ

ЭШЕЛОНЫ ИДУТ...

1

Эшелоны идут, эшелоны...
Одиночно поют провода.
Светофоров огни. Перегоны.
Незнакомые города.

И колеса стучат без умолку,
Километры глотая пути.
А в вагонах, в купе и на полках
Старше лет двадцати не найти.

Промелькнули отроги Урала,
Подняла в небо горбы,
И озерной водой замрала
Бесконечная степь Барабы.

А потом — поднебесные горы,
Голубой Енисей-богатырь...
Это хлынула юность в просторы
На твои новостройки, Сибирь!

Это в путь, как в тридцатые годы,
Вышли сотни девачек и парней
Строить в тундре таймской заводы,
Покорять Ангару, Енисей.

Видел я их открытые лица,
Выходил к эшелонам с зарей...
Шел один из-под Бийска в столицу,
В Красноярск из столиц — другой.

На безвестном, глухом полуострове,
Где вздымаются сосны вокруг,
Замедляя свой бег, спозаранку
Поезда эти встретились вдруг.

2

— Шире круг, девчата, шире!
Вася, пленку не транжирь...
— Вы откуда?
— Из Сибири.
— Вы куда?
— А мы в Сибирь!

Чей-то громкий крик несется,
И ему летит в ответ:
— Здравствуйте, автозаводчик!
— А, целниники! Привет!

3

Два гудка... И колеса вагонов
Вновь стучат: «Путь далек, путь далек».
И помчался, спеша, эшелон:
Тот — на запад, а тот — на восток.

И припали к окнам девчата,
Вихоролку взгрустнули незначай...

Перед ними — простор непочтатый,
Перед ними — невиданный край.

Угро краски рассыпало щедро,
И навстречу, темны и строгим,
Машут пышными лапами коды
Знаменитой сибирской тайги.

И мелькают деревни и села,
Виздуки гремят и мосты.
И встречает Сибирь новоселов,
Выноса им лесные цветы.

И выходит она на перроны,
Молодежью такою горда...

Эшелоны идут, эшелоны...
Одиночно поют провода.

г. Новосибирск

В Мурманском порту.

чение трех месяцев «пахать» море в разных направлениях: они берут с собой изрядный запас пресной воды, горючего, соли и всего, что необходимо рыбакам. При успешном завершении рейса дизельный траулер доставляет в порт не менее тысячи тонн рыбы, около ста тысяч банок консервов «Тресковая печень» и до тридцати тонн рыбьего жира.

В прошлом году наш рыболовный флот обогатился еще более совершенными и производительными судами, чем траулеры типа «Россия». Мощная машина (1 900 лошадиных сил) позволяет развивать скорость четыре с половиной узла и давать 140 оборотов в минуту. Водоизмещение — 3 600 тонн. Все добываемое в море рыбу такие траулеры сами же и обрабатывают, а возвращаясь в порт, выгружают свою продукцию прямо в железнодорожные вагоны.

На одном из таких кораблей, носившем имя Н. В. Гоголя, нам удалось побывать в промышленном рейсе.

Трал на этом красавце-корабле спускают не с борта, как на других судах, а с кормы, что значительно облегчает и ускоряет весь процесс лова рыбы.

Вместе с капитаном Кириллом Александровичем Патоновым поднимаемся в кормовую рубку «Гоголя». Капитан включает особый прибор, точно фиксирующий плотность концентрации в рыбном косяке (он называется «фиш-дула»). За стеклом всплывает зеленый столбик. Я вижу, как столбик поднимается и опускается, меняется в толщине.

— Электрический импульс проходит через толщу воды,— объясняет капитан.— Вот это утолщение у основания столбика показывает, что рыба здесь есть. Сейчас будем спускать трал...

Началось траление. Капитан все время следит за показаниями «фишдулы». Остроумный прибор позволил быстро и без потерь поднять по наклонной кормовой площадке — слышу — огромный мешок трава, набитый тралом и окуном. За один подъем трава взяли около десяти тонн.

Мы спустились вниз, в закрытое помещение, куда уже с верхней палубы через загрузочный бункер и спусные явобаби лился серебристый поток живой траловой рыбы.

«Линия филла». Молодая работница (первый раз в море, а чувствует себя хорошо!) достает из бункера рыбку за рыбиной и закладывает их в тундры белого ярдочного стола головокружной машины. Вот гнездо подошло к дисковым ножам, и сразу отделился рыба голова, а за ней другая, пятая, десятая...

Рядом с головокружной стоит филетировочная машина. Конструкция ее продумана во всех деталях. Машина сама автоматически измеряет обезглавленную рыбу. И соответственно устанавливает ножи в таком положении, чтобы полностью, но не задевая лишнего мяса, вырезать хребтовую и реберную кости. Эти кости тут же уносятся транспортером в утилизационную установку: их перемалывают в муку. А бескостную рыбу тушку машина аккуратно разрезает на две равные части — филейники.

Равномерно, с удивительной точностью, падают и падают светлорозовые филейники на ленту транспортера. Лента несет их сначала к мойке, а потом — к морозильным камерам.

На обычных траулерах рыбу засаливают в тундрах. Здесь, на плувочем заводе нового типа, всю рыбу замораживают. И замораживают не попарно, как через час после того, как она поднимается тралом со дна моря: потребитель должен получить свежую первосортную продукцию!

Корабль обладает своей электростанцией. Генераторы развивают общую мощность, равную мощности четырех средних траулеров.

Такова краткая техника плувочего завода. Но наш расказ будет не полон, если мы не сообщим, какие здесь созданы бытовые удобства для команды. Всюду чисто и порядок. В матросских кубриках — удобные койки с лампочками и уголками, радиопродукторы. У каждого моряка своя индивидуальная шиферка для белья, одежды, вещей. На корабле работает механизированная прачечная. В салоне можно в свободные минуты играть на пианино, сржаться в шахматы, получать из библиотеки книги, журналы. Почти каждый вечер здесь демонстрируется кинокартина. И ему нужно все больше и больше молодежи — грамотной, дисциплинированной, смелой.

ПУЛТ В МУРМАНСК

...Стройное белое здание гидроэлектростанции возвышается над водной гладью. Неподающему шутит, падающий с железобетонного водосбора. Валь, в сопки, уходит высокие ажурные мачты высоковольтной электрической линии.

— Самая северная из всех гидростанций Европы,— сказал нам дежурный инженер Михаил Михайлович Христенко. Кроме него, никого на Тульмской станции не было: агрегаты работали автоматически.

Такие автоматизированные фабрики электроэнергетики есть и на реке Ниве и на других речках и озерах Заполярья. Гидроресурсы края колоссальные. Бурлящие о камни быстрые реки тундры обладают особой особенностью — большим падением на коротких дистанциях: примерно четыре — пять метров на километр, рассказывает Христенко. — Это позволяет строить станции экономично и получать дешевой энергию. Наша станция — инженер, она была построена еще в годы первых пятилеток. Работала с предельной нагрузкой. Но после войны у нее появилось много сестер-помощниц.

Почти какжде два года вводился в строй новая станция. Уже сейчас Мурманская область вырабатывает больше электроэнергии, чем ее потребляло во всей царской России в 1913 году. А в ближайшем году будут построены еще семь гидроэлектростанций.

— Мы включены в кольцо. — Инженер показал на белые пулы управления. На нем светятся красные и желтые огоньки. — Отсюда, из Мурманска, мы управляем только Тульмской, но и большинством других энергоузелков Кольского полуострова. Телемеханизация позволяет контролировать работу генераторов, удаленных отсюда на двести пятьдесят и больше километров. Пуск и останова агрегатов, включение резерва, регулировка — все автоматизировано.

Просим инженера немного рассказать о себе. Он пришел сюда двадцать лет назад, сразу после института, и никогда не забудет: не узнал: полюбил это глухое, дикий, но своеобразно красивый уголок. А сейчас в Мурманске есть и клуб, и санаторий, и хорошая школа, где учатся его дети. Вот так не сложилась жизнь и других инженеров-энергетиков. Его старший товарищ, заместитель главного инженера «Кольскер» Матвей Исакович Зархи, работает здесь двадцать два года, он был участником стройки.

— Вероятно, вам и самим товарищам пришлось преодолеть немалые трудности!

Христенко отвечает не сразу:

— Конечно, трудности были: но у нас, эксплуатационников, жизнь сравнительно спокойная. Вот кому действительно трудно приходится — линейным техникам и рабочим. Морозы до сорока градусов, снежные бури, а надо спешить на линию исправлять повреждение. На некоторых участках провода подымают на опоры на высоту пятнадцати — семнадцати метров. А тут ветер... Представляете? Раньше ребята пробрались вдоль линии на лыжах. Теперь мы получили хорошие вседорожные машины — гусеничные транспортеры. Радиус работы все расширяется. Но это и хорошо! — заканчивает инженер с улыбкой.

ЮНЬ ГОРОД

Оленегорск... На шите этого названия на географической карте: его еще нет. Формально Оленегорск называется пока поселком, но фактически это настоящий город. И ему нужен электроэнергетики: у него уже целые улицы камынных домов, клуб, гостиница, телеграф, телефон...

Больше всех в Оленегорске потребляет электроэнергию железорудное предприятие. Оно возникло лишь пять лет назад. В горах тундры, где раньше бродили лишь стада оленей, были найдены богатые запасы железных руд — магнетитов и гематитов. Руды хорошие, бед вредных примесей фосфора и серы. Однако руды требовалось обогащать, что особенно трудно от пустой породы, и поэтому одновременно с рудником стали строить обогастельную фабрику.

Вот им перед нами, красивые корпуса фабрики, соединенные узкими переходами, по которым движутся ленты транспортеров. Сюда

Мончегорск. Проспект имени Жданова.

электровозами в думарах доставляется руда с разработки, а по другой ветке готовая продукция отправляется в Череповец, Вологодскую область, на новый гигант черной металлургии.

Продолжим за превращениями руд. Высека искры, с гулким грохотом падают многотонные глыбы в пасть щековой дробилки.

— Как орехи щелкает,— кричат на дробилку рабочие. Он обслуживает этот мощный механизм, построенный в Свердловске. Железные чешуйки легко раскалываются глыбы на мелкие части.

Ленты транспортеров несут раздробленные куски руды к другим механизмам— стержневым и шаровым мельницам, магнитным сепараторам и осадочным машинам. Все они постоянно превращают куски в порошок черного-серого цвета. Это железный концентрат— пшца для домен.

— Перевое время Череповецкий завод был не совсем доволен качеством нашего концентрата,— говорит заместитель управляющего предприятия молодой инженер Виктор Иванович Панкрушин.— Сколько раз мы переназначали механизмы, сколько провели лабораторных исследований. Но теперь дело пошло на лад. Концентрат отлично плавится. Только давай, только давай!— энергично восклицает инженер.— Уголь череповецкие получают из Воркуты, а руду— только от нас. Железо Заполярья. Неплохо звучит, не правда ли? Раньше сюда поставляли сырье, продукты, машины. А теперь Заполярье само становится базой снабжения старых промышленных районов. Север начинает давать металл Ленинграду, из северного металла будут строиться и станки, и турбины, и точные приборы.

Явление действительно знаменательное. Рядом с Центром и Донбассом, рядом с Уралом и Сибирью начинает набирать силы новый молодой металлургический район. Оленегорск— только начало. Еще большие запасы железных руд обнаружены южнее Оленегорска, у берегов спрятанного в лесистых зарослях озера Кюндоро. Там еще только роется котлован под корпус обогатительной фабрики, но типу такой же, как в Оленегорске, но более крупной и оснащенной еще лучше, воздвигаются автоматизированный бетонный завод, механические мастерские, жилые здания. Энергию электричества должна дополнить электростанция, для рук которой здесь много дела.

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

«Монча» на языке самов, древнейших обитателей этих мест, означает «красивый». «Монче-тундра» — «красивая тундра». Так прозвали район, соседний с Оленегорском, за чудесный пейзаж, сочетающий снежную близину отрогов Хибин с синевой озер и темной зеленью насаждений. Не в каждом из старых названий наполняется еще и новым смыслом. Мончегорск— один из самых красивых и благоустроенных городов Севера. Строители Мончегорска, его архитекторы, коммунальщики, сантехники показали, что суровые условия Заполярья не преграда для их творчества и увлеченно заботится о нуждах населения.

— На станции Оленья мы пересели на рубличный поезд. Ветка железной дороги углубилась в самое сердце тундры. В Мончегорск прибыли к полному.

Мы думали, что заблудились бог весть куда— семь дней скани — не доскачешь! — но оказалось, что в гостинице почти нет свободных номеров. Здесь проживали артисты областного театра, приехавшие на гастроли. Командированные из Москвы инженеры, геодезисты и геологи из экспедиционной партии Академии наук, лекторы, журналисты и другой коворый народ.

Назавтра в пропусках очень рано: изаказное солнце было в глаза. Снежинкой беланной стеной номер был обставлен со скромным уютом: пушистый коврик у кровати, вделанная в стену широкий одяжный шкаф, а в нише — умывальник с горячей водой и холодной воды, с зеркалом и стаканками для бритья.

Позавтракав в буфете холодной булениной и горячей отручины из местного союзова, я вышел в уличку, которую вчера не успел как следует рассмотреть.

По обе стороны широкого проспекта высились большие здания. По мостовой бежали красно-желтые комфортабельные автобусы московского автозавода, точно такие же, как, какие мчатся по магистральным столичным.

Трудно было представить, что эта оживленная улица с зеркальными витринами магазинов, с театральными вывесками на перевертках еще не так давно была лишь пустынной просекой среди леса.

В «гастронома», отделанном на столичный манер, продавцы отпускали сливочное масло, сыр, колбасочки, яблоки... Откуда яблоки в Крайней Севере? Оказывается, инцидентные снабженцы комбината «Североникель» осенью прошлого года завезли сюда с Урала несколько десятков килограммов плодов. Не только завезли, но и сумели уберечь от порчи. И вот население до сих пор имеет свежие фрукты.

Соседний продуктовый магазин, как мы узнали, получил у жителей название «Хозяйка-лентяйка». Здесь продаются полуфабрикаты: фары для котлов, сырые пельмени и прочее. Спрос на все эти продукты большой. Дело в том, что в Мончегорске многие женщины работают — кто в цехах комбината, кто преподавательницами в школах или воспитательницами в детских яслях и садах. Долго возится с закупкой продуктов и приготовлением обеда они не могут. Вот почему в таком месте здесь полуфабрикаты, и вот объяснение этого шуточного названия: «Хозяйка-лентяйка».

В конце проспекта начинается парк. Это здесь преждего Эдем. Березы сохранны сосны и густые нарядные елочки слышатся сюда. Сюда приходит отдыхать мончегорцы. Для маленьких ребят устроены карусели. Для ребят постарше приготовлены лодки. Берут и катаются по озеру Лумболка—его волны тихо плещутся о берег. Дети в городе очень много. Мончегорск занимает чуть ли на первое место по рождаемости во всей Российской Федерации.

И молодёжи в Мончегорске много. Она трудится в цехах никелевого комбината, строит дома, сажает деревья. В те дни, когда я гостию у мончегорцев, девушки и юноши проводили «Неделю зеленой улицы».

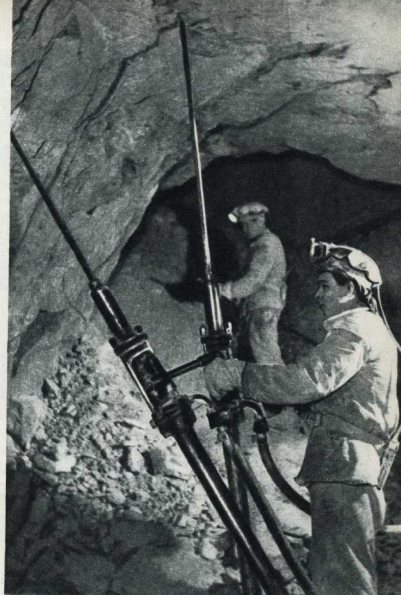
Трудно, очень трудно вырастить дерево в наших суровом крае. Заведующий горкома комсомоло товарищ Ленин,—но тем более это важно! В честь Всемирного фестиваля молодежи комсомольцы взяли озеленить центральный проспект, площадки возле объектов культуры, детских садов. Кроме того, организован охрану зеленых насаждений. А то бывает так: трудились, трудились, дали жизнь молодому дереву, а потом хулиган сломал его... Наметики и другие болельщики делят. Ждем следующего года, когда проедут из Ленинграда, Москвы—еще веселее будет и жить и работать!

ВСТРЕЧА

...Мы возвращались из поездов. Белой ночью поезд остановился на разезде, ожидая в цехах никелевого комбината.

Несколько пассажиров вышло побродить вдоль состава. Удивительная тишина, какая бывает только на Севере, обнимала землю, сияющее деревянное здание с вывеской «Полуденный стрелок» рядом проходила черта, которую географы всего мира определяют 66 градусами 33 минутами северной широты.

— Край непопулярных птиц... Край непопулярных троп,—задумчиво повторила слова поэта вышедшая из поезда женщина. Она приехала в Мурманск, чтобы проводить своего му-

В забое каплятого рудника в Хибинах.

же — капитана артистического ледокола — в дилетантский морской рейс.

— Помолуй, тыри несколько усталый,— заметил пожилой человек с бордовой клиншюком, геолог из Мончегорска.— Я приехал сюда двадцать пять лет назад. Вот тогда тропы действительно были людьми не засажены: оленьи тропы!.. Не было две—три сотни человек на всем огромном полуострове. Искатели, геологи, инженеры... Летом нас доминировали трои комаров и мошки... Только дни фабричных труб может заставить отсутствию этих летучих кровопийц. Даже комары не спасали... Зимой спали в валенках, шубах. Бывало, волосы за ночь примерзали к холсту палатки...—Геолог помолчал и неожиданно закончил.—Слыхива я никогда не закончил, а вот тебе слова врезались в память: «Вам, молодому поколению, придется перетерпеть старую-тундру».

— Хорошо сказано! — улыбнулась женщина.

— Чьи это слова? — спросил а геолога.

— Сергея Мироновича Кирова.

Протяжный гудок локомотива взорвал тишину. Мы поспешили в вагон. Из окон скорого поезда, остановившегося на втором пути, выглядывали молодые лица. На багажных полках виднелись чемоданы, ящики, токи — видно, народ ехал не на экскурсию, а устраниваться жить и трудиться.

— Добровольцы!

— Да, на стройку... Мы все ленинградцы, С Кировского, с «Красного треугольника».

— Счастливого вам пути, друзья, успехов на новом месте!

Это была мимолетная, но волнующая встреча. Только что пожилой геолог вспомнил о первых шагах пионеров индустриального развития Кольского полуострова. Эти люди начали осваивать тундру. И вот перед нами, как в кинофильме, промелькнули лица юношей и девушек, поехавших продолжить дело, начатое их отцами и старшими братьями.

Г. Мурманск.

В РОДНОМ КРАЮ

НА ВОЛГЕ

И с детства запомнил простор над горами,
Завет, что полюбила порою золотит,
И берег, где волны красавицы Камы
Прорезали волжеской жиной малахит.
Взгляни — и под дымами краями сосен
Увидишь ты алыч, как пламя, гробы,—
То грозди ягод укрывала осень
Склонившие ветви высоких рыбач.
А рядом — прозрачные сумерки клевет,
И вечер осенний так нежен и чист,
Как будто весь мир, золотой и зеленый,
Кудожник оправил в резной аггест.
Этот край мой. А песни, баллады, сказаны!
А русская мудрая плавная речь!
А люди, что в годы лихих испытаний
Ни разу под ношей не горбили плечи!
Песчаные носы, лесные подолы
Да рожок крутой набжевавшей волны...
Не здесь ли когда-то Володя Ульянов
Предчувствовал славу родимой страны?
Не здесь ли студентом глядел он поодолу
На солнышек и ветром расчереченный лес
И мысленно видел над козюлом Волгой
В оплах коммунизма затаенные ГЭС?
...Надиром хранится поверье в народе,
Что тот забвению везишудя бедя,
Кто полюбо горстью напиться в походе
За волю и родную волжеской воды.

ДОЖДЬ

Был сильный ливень. Он над садом
Гредел повсюду без конца,
Сверкал серебристым каскадом,
Стоял стеною у крыльца.

Под грохот радостного грома
Снаком молний пламенем голубой
Дождь надвигался, как влекомый
Стихийной силою прибой.

Едва-едва сквозоз влагу эту
Глаз постепенно разглядел
Отдельных зданий силуэты,
Как тень подводных серых скал.

А ветки клена бились в стекла.
Он словно всплыл со дня реки,
Где листья темные намокли,
Пожоные на плаваньи.

Он, не видя еще ни разу
Таких ликующих огней,
Я стал счастливым водолазом
В скафандре комнаты своей.

Я знал, что скоро в жарком споре
Останут засуха поля,
И встанет островом из моря
Помолодевшая земля.

В ЛЕСУ

Мы встретились два раза в дубрах
И шел тропой, был дикий камень год.
И вдруг в лесу, на правом склоне балки,
Всколыхнул рысь на обитой бурею столб.

Вокруг нее трава была примята.
И в утробной упругой туши
Играли полосатые котыта,
На материнской погалаи спине.
Я сделал вид, что не заметил встречи,
Спокойно шел, не снтя ружья с плеча.
А зверь смотрел мне вслед по-человечьи,
Лыжи наредка открывшю урча.

Потом я, помню, истомленный зноем,
Сыграл со смертью в этот раз вичью,
Я отдала, охваченный покоем,
Прислал губами к зноивоку ружью.

Усталость ли сломила или дремота,
Но я уснул... Вдруг в чутком полусне
Внезапно и почувствовал, что кто-то
Тут есть еще, с кем я наедине.

Тропинка круто обрывалась к броду.
А в двух шагах, у редких камышей,
Волыная рысь лакала жадно воду,
И водрагивала кисточки ушей.

Узнал ли зверь меня по первой встрече —
Загадоча остается и сейчас.
Но рядом он со мной провет тот вечер,
Как будто дружба сыпьявала нас.

ОБЛАКА

Появление перистых облаков
всегда предвещает непогоду.
(Из журнала альпиниста).

На лисном небе, как лебяжьи крылья,
Высокие проходят облака...
Нам надло потирапываться, или
Застигнет нас метель у ледника.

И, заглубив в серебриные трубы,
Высокие проходят огнем.
Лишь жалкие обломки ледуроба
Напешедую ки скажут обо всем.

Мыс никогда в приход бедя не верия,
Свершинам путь беспечно свой, пока
Не опутим предчувствия потери,
Возникшего, как эти облака.

И хорошо, коль путнику случится
В седую ночь, в слепой буря и мглу
Вдруг птицей замерзающей прибиться
К простому человечесму телу.

МЫ С НОВА ВСТРЕТИМСЯ С КОРЧАГИНЫМ

Цветной фильм по роману Н. Островского
«Как закалялась сталь»

Н е так давно жильцы дома № 63 по улице Короленко в Киеве были свидетелями необычного зрелища: в течение какого-нибудь часа их двор превратился в странную улочку с одиноким фонарем на стене, с афишной будкой на перекрестке, с водопроводной колонкой... По импровизированному тротуару проходили поочередно женщины в старомодных сарафанах; тут и там мелькали фигуры юношей и девушек в одежде, характерной для первых лет революции... Вот к водопроводной колонке подбежала девушка в красной косынке и, наклонившись, стала жадно пить воду из крана. А вслед за ней к колонке подошел высокий юноша в поношенной кожаной куртке и буденовке. В нем трудно было узнать любимого героя советской молодежи Павлу Корчагина... Шли съемки нового художественного цветного фильма, выпускаемого Киевской киностудией, по роману Николая Островского «Как закалялась сталь».

Как известно, фильм под таким названием уже демонстрировался на экранах нашей страны. Он был поставлен кинорежиссером Марком Донским в 1942 году в городе Ашхабаде. Но кинокартина создавалась в суровые дни войны, в неблагоприятных условиях, далеко от тех мест, где происходили события, описываемые в романе. Кроме того, киноповествование получилось несколько узким, односторонним: в нем главным образом выделены те моменты, которые призваны были воспитывать у молодежи нежность и оптимизм. Это, конечно, сыграло свою положительную роль в годы войны. Но то обстоятельство, что картина не давала зрителю законченного представления о замечательном произведении Николая Островского, заставляло подумать о создании нового фильма, который наиболее полно и ярко отобразил бы содержание волнующей книги.

За разрешение этого трудного, но радостного в творческом отношении задания взялись молодые кинорежиссеры Александр Алов и Владимир Наумов, известные советскому зрителю по фильму «Трехлетняя молодость» — первой поставленной ими кинокартине. Интересно отметить, что не только постановщики, но и исполнители главных ролей и второстепенные персонажи фильма — это в подавляющем большинстве молодежь, студенты и вчерашние выпускники кинематографического и театрального вузов страны. Роль Павла Корчагина исполняет студент театрального училища имени Щукина Василий Лановой, дебютировавший в кинокартине «Аттестат зрелости». Риту Устинович играет Элла Леждей — молодая актриса Московского театра-студии актера, а роли Франца Коваленко — молодой артист этого же театра Лев Перфилов.

Наряду с артистической молодежью в кинокартине участвуют также опытные мастера сцены, как Павел Андреевич Усовичинко, Дмитрий Сидельников, Милотенко и ряд других актеров старшего поколения.

Снимают фильм молодые операторы Сурен Шахбазян и Илья Миньковский.

Фильм уже почти закончен. Скоро он выйдет на экраны страны и мы снова встретимся с Павлом Корчагиным, с его боевыми сверстниками и старшими товарищами-коммунистами, снова переживем в те грозные, незабываемые дни, когда первые комсомольцы совершали бесстрашно подвиги во имя революции, с оружием в руках защищая молодую Советскую республику.

Кадры из нового фильма по роману Николая Островского «Как закалялась сталь». Эти снимки воспевают в нашей памяти эпизоды из жизни Павла Корчагина и его боевых сверстников.

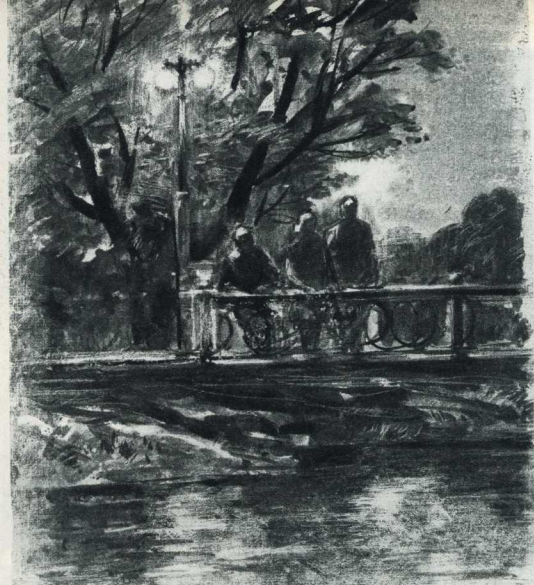
Слева сверху мы видим вооруженных комсомольцев, которые в те незабываемые дни защищали Киев от контрреволюционных заговорщиков и петлюровских бан.

На снимке, помещенном ниже, запечатлена встреча Павла Корчагина с Ритой Устинович на VI съезде РСМ в Большом театре.

А вот типичная картина тех лет: на одной из ивеевских улочек бедная девочка продает дрова. Эту роль исполняет пионерка Бала Козина, ученица 5-го класса средней школы № 45 гор. Киева.

На нижнем кадре: Федор Жухрай беседует с Павлом в вестибюле губкома партии.

Фото В. Стрелевского и Г. Вядро.

Эл. БАДЬВЕВА

ИЗ ДОБРЫХ НАМЕРЕНИЙ

Рассказ

У меня горе...

Ничто не радует: ни ясное летнее солнце, ни голубое небо, ни пестрые пахучие клумбы. Бесцельно брожу по городу, вдыхаю и, если бы не так много прожженных, распахалася. Домой или к кому-нибудь из знакомых идти не хочется. Станут расспрашивать: что, почему? А мне и без того тошно.

Пять лет я работала в конторе треста «Горстрой» по Набережной, 22. Поступила рассыльной. Совсем еще девочкой была, до кнопки английского замка на двери кабинета управляющего с трудом доставала. В конторе вступила в комсомол. Работая, окончила вечернюю десятилетку, а потом — курсы. Стала бухгалтером. И так мне эвон работа нравилась, такими родными казались девчата из бухгалтерии, что даже и мысли не было уволиться, уехать...

Иван Степанович, наш главный бухгалтер, считал меня лучшей своей ученицей и называл ласково: «Зинуша». Даже сам Трясунов, управляющий трестом, не раз отмечал благодарностями в приказах. И вот...

Подала сегодня заявление об увольнении, и Трясунов, ни слова не говоря, наложил резолюцию: «Пробудь тут». Смирновой удалось творить». А Иван Степанович, когда подписывал расчетный лист, даже не взглянул на меня. Только пробурчал под нос: «Не забывай, заходи в контору». Я почувствовала, что скандал он это так просто, по доброте своей, и

решала: «Нет! Ни за что! Дорогу забуду на Набережную...»

...А виноват в моем горе... вот даже и не знаю, кто виноват. Только, конечно, не он, не Степа Стрельцов.

Это мой хороший товарищ. Самый близкий другок моего мужа Максима.

...Мы трое и еще мой подружка Зояка Остехова были знакомы с детства. Жили в одном доме. В одной компании бегали летом на волную, зимой — на каток. Учились хоть и в разных классах, но в одной школе. Степу драганили «киривай», потому что он был толстый, маленький, неповоротливый. Ходил зимой в меховой шапке с длинными-предлинными ушами. Ребята еще за эти уши дергали любими. А то возмуду да сквади тихонько улом завяжут. Раз даже всомаметно прибили одно ухо к доске, пока Степа черт пель в заборе за соседскими девочками подглядывал. А в общем-то, был он добрый, спортивный, и все мы дружили с ним.

После десятилетия Степа уехал в областную школу в строительный институт. Максим год поработал на заводе и ушел в армию, а я окончила к тому времени восемь классов и устроилась в «Горстрой», где уже работала Зояка.

Степа приезжал на каникулы, а с Максимом мы не виделись целых три года...

Зато когда он вернулся... Впрочем, это долго рассказывать. Да и неслучай как-то гово-

рить о том, как первый раз встретились мы в подъезде нашего дома и как потом весь вечер ходили по городу. Максим смотрел тогда на дома, скверы и улицы так, словно встречался с детством. А мне в этот вечер казался родной город необычно красивым, новым, особенным. Я и сейчас уверена, что никогда не видела такими людными улиц, никогда не замечала прежде, как чудесно выглядят при дуновом свете городской пруда, не знала, что в сквере возле райкома комсомола так ослепяюще пахнут розами.

Ребята цвела мелкими белыми цветочками, точно так, как на клумбе у окна зойкиной квартиры в веселые годы детства. Бывало, Максим и Степа, обоблившись за что-нибудь на Зойку, не раз вели цветы и зогнали клумбу. Мы сажали потом в землю поломанные стелбелки, а помирившись с нами ребята таскали воу для поливки.

Мы с Максимом очень живо вспоминали это, часто говорили о Зойке и Степе — хороших, на всю жизнь друзей. Каждый раз позже и позже расходился мы по своим квартирам... Но ведь и об этом как-то неслучайно рассказывать. Пронужу, не буду говорить и о том, как выискивалось наконец-то с Зойкой. Максим любил друг друга, как несело было на нашей скромной свадьбе и как хорошо, легко жилось нам до нынешнего года.

Совсем неожиданно вернулись домой Степа. По окончании института его направили работать в наш город, на строительство алюминиевого завода. Приехал и сразу к нам. Как мы с Максимом обрадовались!

Степа почти не изменился. Крутое, полное лицо его заливая веселая, добрая улыбка. Серые глаза смотрели все так же внимательно и тепло. Только стал Степа выше ростом и... чином. Его назначили заместителем начальника строительного объекта. А строил этот объект, между прочим, трест «Горстрой», в конторе которого работала мы с Зойкой.

Степа стал заходить к нам часто, и если случалось вдруг, что не показывался неделю, мы с Максимом беспокоились. Звонили на объект, а не находящая там — наведывались в старый наш дом, где и теперь жил Степа с матерью.

Втроем ходили вечерами в кино, театр, втроем навещали наших общих знакомых, вместе ужинали. Соседи шути предупреждали нас, что классический треугольный испокон веков таит в себе разрывистую опасность. Но мы были друзьями большими, настоящими. И коварного исхода дружбы втроем не боялись.

Только стали мы с Максимом замечать, что Степа иногда ни с того, ни с сего грустит, задумывается, а то внезапно прервет разговор на полуслове и уйдет. Мы предполагали, что у него неприятности по работе, и не лезли с расспросами. Ждали, когда сам расскажет.

И вот однажды сидим у приемника, слушаем из Москвы спектакль Малого театра, и вдруг Степа сравняется с приемником. Ни слова не говоря... к двери, Максим не выдержал. Вскочил, прергалл Степа дверь и шапку вырвал. «Это еще что?!» — говорит... Садись, рассказывай, что с тобой!...

Выключил Степа приемник, как будто очень странно себя чувствует. Разговор начал на Максима, потом безнадочно махнула рукой: «Ладно, слушайте!» и расказала...

Оказалось, что Степа любит девушку. Любит третий год и очень тяжело переживает затанцованую разлуку. Татьяна — так и зовут ее — унитса на последнем курсе того же института, который окончил Степа. На институтском вечере он пригласовал ее к какому-то перекорнику, нагорница им обом трубеткой и нагорница в жизни наивис. Татьяна пришла наутро в общежитие, назвала Степана кулангином, объявила, что обманбис в нем, зло хлопнула дверь и ушла. Больше со Степаном не здоровалась.

А он тем временем получил назначение и уехал в город. После выбора Татьяна из головы и из сердца. Но решить проше, чем выполнить решение. Скрывая от всех, Степан писал ей письма и слал телеграммы. А Татьяна молчала...

Мы тогда до трех часов ночи проговорили... Домой Степу не отпустили, послали ему на дворе и заставили позвонить матери, чтобы не вышло.

Я лично не скрывала от Зойки и на другой

день передала ей весь разговор. Это было в столовой. Зойка сидела задумчивая, тихая, перебирала кисти на скатерти и говорила, словно думала вслух:

— Когда у человека горе, ему особенно трудно одному... А друзья познаются в беде, это правда...

— Еще говорила о чужости и о том, что мы с Максимом хорошие люди.

— Потому... сказала она... и Степана пригласил... По-настоящему дружку поимеем...

— Мне даже невольно стало от таких слов. Как же иначе быть могло? Детство прошло вместе... Близкие мы, вроде как родные.

— Конечно, нехорошо поступило как тебе похвалили, хваляли того, кто это сделал. Но я все равно, безотносительно к зойкиной похвалке, подумала тогда, что сама Зойка — очень чуткий и очень правильный человек. И в прежде ее считала такой. Иначе она обтагла в больницу с передачами, если кто-нибудь из конторы был нездоров. Она выручала товарищей и деньгами и советами, которые порой дороже денег. Мне было приятно, что Зойка — такая комсомольская секретарша. А выдвинула ее кандидатура я.

— Помню, на собрании мне очень хотелось растолковать всем, какая хорошая, душевная, заботливая, настоящая Зойка Остахова. И, видимо, повлиял ребята, повернув меня в сторону у всех на виду. Работает хорошо. Инженер-экономист. Веселая, общительная. За нее больше всего голосов подали.

— Вскоре мне пришлось поехать в областной центр на месячные курсы усовершенствования. День отъезда совпал с днем моего рождения, и мы с Максимом решили собрать друзей.

— Степа еще днем прислал мне в контору с кассиршей, приехавшей за деньгами для строительных работ, огромную коробку шоколадных конфет и привязанную к ней цветными лентами вагу. Подарок сопровождался запиской с поздравлениями и шуточными пожеланиями.

— Девчата окружили меня, стали рассматривать подарок. Я открыла коробку, и мы довольно быстро распределили все конфеты.

— Инна Петровна, секретарь начальницы треста, повернула пустую коробку в руках, прочла все сведения о фабрике, производстве и свойствах товара и взволнованно воскликнула: — Шестидесять два рубля!.. Удивительно!..

— Потом поступила по ваучеру карандашом, посмотрела ее на свет и в полном недоумении оценила:

— Рублей десять, не меньше...

— Вечером мы пили портвейн, чай, плясали под радио... В разгар веселья являлся наконек Степа и свалил меня в охапку, покружил по комнате, поцеловал в щеку и подтолкнул к Максиму. Инна Петровна всплеснула руками:

— Ах, что это вы, Степан Кузьмич! При мухе...

— А что? — рассмеемся Степа и поцеловал меня в другую щеку... Она вмешивалась.

— Провожая меня на вокзал весело, подпевала все. Даже Инна Петровна пошла. Степа переселялся на этот месяц к нам, и я до самого отхода поезда мучила их с Максимом всевозможными интрижками. Они с легкостью обещали не есть всухомятку, не опаздывать сорочкой, не терять носовые платки, ухитрять в срок за телефон, радио и квартиру.

— Зон стояла тут же, поправляла мне выбившиеся из-под косынки волосы и открыто, хорошо улыбалась.

— А когда я через месяц вернулся, встретил меня... один Степа. Я увидела его в окно, поезд еще медленно двигался вдоль перрона. Степа махал рукой, кричал что-то и бежал за вагоном.

— Со мной был лишь один маленький чемоданчик, но Степа все равно протискивался к нему, взял его из моих рук. При этом он невольно и ласково милохотом поддал мне букет цветов.

— Признаться, меня испугало отсутствие Максима. Я даже боялась спросить у Степы, где он. Но как только мы выбрались из толпы, как только нас перестали задевать в толкать чемоданами, мешками и корзинами, Степа успокоил меня. С любительством посмотрел на мое

растерянное лицо, хитро подмигнул и рассмеелся:

— Ох, испугалась... Было ясно, что Максим здоров, дома все в порядке, и я тоже улыбнулась.

— На вокзале он... повисла Степа... как руководитель туристской секции перед профсоюзом читывается. В первую позицию разстроены. Время пить, а уйти не может. Поручил мне одному... Была бы внимательным и любезным за двоих.

— В конторе встретили меня приветливо в немного сдержанно. А Лида Иващенко громко, через всю комнату, спросила:

— Максим в командировке?

— Тон у нее был итрово-насмешливый, но я тогда не обратила на это внимания и тоже громко, потому что сидела далеко от Лиды, ответила:

— Дома... А что?

— На вокзале тебя почему-то не Максим, а Степан Кузьмич встречал. С цветами. Девчата как-то неискренне рассмеелись, а Иван Степанович громко застучал костяшками счетов.

— Потом оббежала в бухгалтерию Зойка. Подлетела ко мне, затормозила, рассмеялась. Она была, как всегда, живая, веселая, стройная. Волосы острижены коротко, как у мальчишки, а глаза большие, карие, добрые. Мне нравилось, что Зойка именно такая. Такая и еще умная, простая, приветливая... Я не выдержала, бросила работу, схватила Зойку за руку и высочила вместе с ней из комнаты. В коридоре мы еще раз обнялись, чуткою похлопали и уговорились ждать друг друга после работы.

— Вечером мы долго ходили по улицам, Зойка рассказывала о конторских девчачках, о городских новостях, о том, какие были без меры премьеры в театрах. На одном из спектаклей она видела Максима.

— Со Степой? — спросила я.

— И она вдруг замолчала, стала смотреть под ноги... Я подумала, что Зойка влюбилась в Степу. Тогда замолчала и тоже опустила глаза. Вспомнила неуступчивую Татьяну и обрадовалась за Степу. А к Зойке почувствовала какую-то необъяснимую нежность. Мне захотелось поцеловать Зойку, сказать ей что-нибудь ласковое. Я осторожно взяла ее под руку, заглянула в лицо и отпрянула: чужими.

Рисунки В. Каменского.

холодными глазами смотрела на меня по-другому.

— Зинаида... строго сказала она, и мне стало страшно.

— Мы не сговаривались, сели на пустую скамейку в дальнем конце набережной...

— Зинаида... повторила Зойка... Я тебе драгу...

— Она очень долго молчала и не поднимала на меня глаз. Я чувствовала: ей тяжело. Хотела сама что-нибудь сказать... Хоть что, только бы не молчать. И тоже не могла.

— Не надо... глумим, неизвестным голосом начала Зойка и взяла мои руки в свои... Ты уминая, ты поймешь...

— Я не понимала, а Зойка скала мои руки, придулилась еще ближе и прошептала:

— Не надо... дружите со Стрельцовым.

— Оставь его.

— Мне почувствовалась в ее шепоте неприязнь к Степану за что-то плохое, жуткое, чего ни я, ни Максим не знаем о нем, а ей, Зойке, известно. Но она больше не молчала, и она оставила мне времени для раздумий, а говорила жестоко и отчаянно:

— Плохо о вашей дружбе думают. Не надо больше лавать повод.

— Слова ее были ледяными, тяжелыми. И вся она, милая, родная Зойка, была другой.

— Город скучали сумерки, вода в пруду поперевала, а вода стала ледяными, хмурыми. Плеск их намокнул ведробый и грустный разговор чужих людей. Огни заглябли там, в центре, а мы сидели в погусте. Зойка выпустила из ладоней мои руки, и я почувствовала себя одинокой.

— Как же так?..

— А вот так... грустно сказала она... Могут быть неприятности.

— Но ведь ты же знаешь! Да и Максим... Он не позволит порочить, опознать нашей дружбы...

— Что я? — пожала плечами Зойка... Я так подруга. Я не в счет. А Максим — муж. Мужья, даже когда не обманули, все равно стартовать держаться с достоинством. Он тоже не в счет. Главное — общественное мнение. А оно... Знаешь... эта чужой роток не намажься платком...

— Я была ошеломлена. Зойка... и вдруг... такие слова. А она снова стала убеждать меня прекратить дружбу со Степаном, хоть бы ты ладше!

— Да откуда же это пошло наконец! — не выдержала и раздраженно, зло крикнула я.

— Все говорю... ответила Зойка... А Инна Петровна даже...

— Вот что! Инна Петровна! Старая сплетница! Ты ее мнения испугалась?!

— Я чувствовала, что терплю самообладание, но не могла взять себя в руки. Мы обе вскочили со скамейки. Я вплотную подошла к Зойке, а она медленно пятлялась.

— Ты испугалась! — кричала я в отчаянии. Ты толкаешь меня на подлый поступок! Зойка, милая... И тут... откнулась носом в ладони и горько разреведьлась.

— Дурочка,— почти ласково сказала Зойка.— Ну, пойми сама: я ведь... из добрых намерений. Зачем тебе репутацию свою портить? Раз уж пошла толкунья...

И как могла успокоиться, Зойка продолжала говорить и говорила, как бы оправдываясь и в то же время успокаивая меня:

— Видишь ли, я не только твою подружку, а комсомольский секретарь. А ты в нашей организации. Пятно на тебе — пятно на всех нас.

Нет, Зойку подменили! Я никогда раньше не замечала в ней задаток человека-труса, человека-перестраховщика. Мне стало больно, обидно и как-то очень-очень жалко. Не хотелось больше ей верить, хотелось остаться вместе. И я молча пошла к дому. Зойка не отставала, шла рядом и все рассказывала о том, что говорит обо мне Инна Петровна, как вспоминает она злословный степен парадокс и утверждает, что такие пародии zdarь просто так не предпримутся... Она жалеет Максима, которого якобы мы со Степой доводили дружим. Все это в мое отсутствие Инна Петровна говорила то одному, то другому. Кто отмахивался от нее, кто сочувственно качал головой, кто и вовсе не говорил ничего. Причем говорила она это синхронизированно, сочувственным тоном. Вот, мол, молодцы, неопытные в жизни, глупости делают, а подсказывать им, обучать совет дать некому. «Хоть бы вы,— оубрадалась она к кому-то из товарищей,— заехали к Степе к Зояке. Зойка сказала ей, что у нас со Степой дружба. На это Инна Петровна презрительно сморщилась и признавала, что всегда в таких случаях дружбы прибавляется».

И как она сумела убедить многих в контроле, что семья Смирновых, то есть наша семья, под угрозой распада. Поползли нехорошие слухи. Выяснилось, что кто-то видел нас вдвоем в магазине, кто-то слышал, как Степа совещался со мной, почитывая в журнале какой-то вердикт на костях. Многие вспоминали, что мы со Степой говорили по телефону и иногда ждали друг друга, чтобы вместе пойти домой. А в довершение всего Инна Петровна увидела Степу с букетом цветов на вокзале. Степу, а не Максима!

После этого она так и заявила Зойке: — Провороните подружку... До персонального дела дойдет!

...Я невольно слушала Зойку и удивлялась глупости и глупости всякой женщины, удаляющейся от человека, который только знающего меня сослуживца поверил ей.

Ну почему, почему у нас есть такие люди: с виду справедливые, приятные и участвующие, а на самом деле склочные, лицемерные, сплетники. Нет другой раз им и корысти-то никакой, а вот изобретать случаи, поймают несобуданно сказанное слово, передадут тому, о ком оно сказано, да прибавят от себя сотню других, более обидных. Посеют смуту между друзьями, тонко и хитро поспорит любящими, и в припадке своей мерзости предложит ложь, что будто бы ратуют они за чистоту морали, не могут не сказать правды в глаза. Так какмогут они людям из «добрых намерений». Я уверена: и вам попадется в жизни такие вот «доброжелатели». И вы, возможно, страдаете от этого, а законы не предусмотрена статья, карающая халхей, сплетников, склочников, и все мы в конечном счете их терпим.

И еще думала я о том, как иногда портится люди, получив в руки какую-то власть, даже маленькую. Как добросовестно берут они за все обычные, примелькавшиеся, поверхностные дела и руководят по установившемуся, опротивевшему всем шаблону. По шаблону составляют планы работы, к шаблону подгоняют человеческие отношения.

— Я пошла в подполз, не простившись с Зойкой.

Максим был дома и, увидев мое заплаканное лицо, испугался. Сбаваясь и всхлипывая, я рассказывала обо всем. Он сдвинул брови, нахмурился и, не говоря ни слова, ушел на кухню. Я слышала, как он звенел посудой, как шипело масло на горячей сковороде, и не находила сил помочь Максиму в незнакомых ему кухонных делах.

Потом он вернулся, поставил передо мной сковородку с глазунью, снял с меня пальто, а сам сел надиван.

— Степану не говорила?.. И не надо. И вообще обращать внимание на все это не надо. А Зойка... Значит, оба мы ошиблись в Зойке. Успокойся да пойдем завтра сегодня в цирк. Сейчас Степа злится.

Такой он был, мой Максим: немногословный, выдержанный и даже на первый взгляд угрюмый. Не станет успокаивать, уговаривать, вытирать слезы. Зато от его слов, от него самого верило, что сила, что невольно сам успокоился, почувствуешь себя рядом с ним в полной безопасности.

Но в цирк мы пошли не втроем. Максима срочно вызвали на завод. Заболел сменный мастер, и его подползали принести смену, так как мастер был на изводе, а план под угрозой срыва. Максим сказал, что последний раз принимает чужую, незнакому ему смену, но на завод поехал. В цирк мы пошли со Степой вдвоем. Я и хотела, но Максим настоял, и, как нарочно, встретили там Лилу Иванченко и Инну Петровну.

...Долго все рассказывала Зойка Става избегая темы, да я и тоже. Инна Петровна при моем повествовании поджимала губы и делозумно отворачивалась. Труснев говорил свое. Иван Степанович, если находил в моих ответах ошибку, укоризненно качал головой, злился и совещался: «Серьезнее надо быть, Зина, вы же, конечно, думали обо мне так, как думали Петровна. Многие осуждали ее, но только втроем, между собой, шепотом. И было это еще обиднее».

Только Петька Смирешчиков, техник из проектного бюро, открыто конфликтовал со всеми моими «доброжелателями». Каждый раз, столкнувшись со мной где-нибудь в коридоре, бфуте или у нас, в бухгалтерии, он кратко спрашивал:

— Переживаешь?

И каждый раз давал мудрый совет: — Значит, что, пошла-ка ты их всех... подальше!

Зойка еще раз попыталась завести со мной разговор. Я хотела сразу же уйти, но не выдержала и спросила:

— Ты сама-то мне веришь?

— Верю,— сказала Зойка и отвела глаза. Она сказала правду, я это почувствовала.

— Так почему не заступиться? Почему не докажете?».

— Ты же знаешь,— смущенно призналась Зойка,— Инну Петровну не переубедишь.

И вдобавит осложнен ты всей этой историей. Что у тебе, Степан, со своей дружбой дела?».

Вот тут я хлопнула дверью, хлопнула со всей силой, так, что в близком окне звякнули стекла. И пошла к управляющему.

Мне хотелось поговорить с ним, как с отцом, посоветоваться, что делать, как разговаривать сплетенную вокруг меня липкую, грязную... И взоружу достоянием для мужа. Правда, Труснев пристал, киловолной на кресло и я, когда я села, участливо спросил:

— Вы не больны?

— И-нет,— неуверенно ответила я.

Я открыла рот, чтобы начать разговор, с которым пришла, но управляющий нежливо остановил меня. И предложил:

— Поезжайте, Зинаида Александровна, на курорт. Есть курорт в Туруро. Я посоветую... И взоружу достоянием для мужа. Правда, за полную стоимость. Можно будет авандать.

Я отрицательно покачала головой, но Труснев настаивал:

— Нет, нет, не отказывайтесь. Вам необходимо отдохнуть, уехать... на время. Чтобы расстаться.

Я поняла: Труснев тоже заботится обо мне искренне. Подобно Зойке, он хочет спасти меня от худой молвы и распускаемых слухов. И взоружу достоянием для мужа. Правда, без Стрельцова,— вернется загоролая, счастливая, и конфликт исчезнет. Не уверяется, что она «звлялась за ум».

Труснев тоже, как многие в нашей конторе, с готовностью поверил в плохое. Оказалось, что и Степанович не изменит больших чувств. И еще: нет у него доверия к людям. Не того, которое испытывают к служебному касиру, бухгалтеру и завмагу, не «клубничное» доверия, а другого — человеческого. А раз так, что мне оставалось? Поблагодарить за предложение и уйти.

Повидимому, я малодушный человек, потому что не сумела остаться спокойной, не сумела воспользоваться отчаянным советом Петьки Смирешникова. Наговорива трубостью Инна Петровна еще кому-то. Со Степой тоже не смогла больше поддержать прежних отношений.

Если он знойил, я принимала занятию вид и старалась как можно скорее закончить разговор. Делала это потому, что знала: все бухгалтерии с отчаянием смотрели на меня. В кино и театр стала отправлять Максима и Степана вдвоем, находила причины, чтобы остаться дома. А если случалось все-таки идти вместе со Степой, то я невольно нервничала, оглаживалась, чтобы сократить путь, тенью сбежала с театром. Устала от оппортистических взглядов, шепотков и нотаций.

Выглядело все это тоже грубо. Инна Петровна стала говорить, что я, видно, за ум делюсь: начинаю скрывать свои интимные дела.

А Максим однажды полупусть-полуперьезно сказал мне:

— Признайся уж: может, и правда любишь Степана? Очень на тебя эти сплетни алиные оказывают.

Я помыслась и ответила шуткой. Но потом подумавшая о том, что стал Максим относиться к Степе прохладнее.

Что же мне теперь делать?

Подала заявление. Подписали. Завтра могу получить расчет...

Сказала утром Максиму, что хочу уволиться, а он только смеялся и пожимал плечами.

— Что ж,— говорил,— увольняйся, если невмочу. К нам на завод можешь устроиться.

Ну, а Степа не знает ничего. Он все на объекте продает. Глупоземный захвачивает. И потом ему не до нас. Вечер приехала Татьяна. С Насосов. Вместе будут работать.

И жить вместе, Степа ошадел от счастья. Забавел к нам, прокривал на всю квартиру: «Ура! Да здравствует! Татьяна приехала! Приходите в гости!»,— сорвался со стула и убежал. Даже не заметил, что Максим испаривался, а я расстроена.

Вот и хожу по улицам. Сейчас уже вечер. Солнце ушло в пруд. Стало свежее, тише. Над городом собираются тучи. Черные, грозоземные.

...а третий раз оказавшись в скверике возле райкома. Как тогда, в праздничную, чудесную осень, терпко, дурманящее пахнет режодой.

Как тогда...
Но теперь все не так. Мне одиноко. У меня, оказывается, совсем нет друзей. Совсем...

г. Свердловск.

Девушки

Девушки о подвиге записали,
Щеголая мудростью цитат:
Подвиг — это мужество, которое
Двигает вперед...
А говорит,

Будто подвиг — это что-то нервноое,
Просто ярость или лютой гнев...
И девушки шумят, а слева первая
Смывает молча, даже победив.

Я в саду теннистом их увидела
И, ее заметив, поняла:
Девушка грустит, что жизнь
Обидела,

Не вручил героические дела,
Обидела,

Маленькое сердце гордо проносится
Среди самых сильных равным бысть.
И не спорить ей, наверно, хочется,
А высокий подвиг совершить.

Нонна МИХАЙЛОВА

г. Саратов.

У Николая Лобова есть все основания быть веселым: сегодня он опять перевыполнил норму более чем в два раза. Бригада, которую возглавляет этот знаменитый шахтер, считается одной из лучших в Прокопьевске.
Фото А. Моклецова.

ВЫСТУПАЕТ СИБИРСКИЙ ХОР

Фото
А. Монкеева.

На снимке слева: главный хормейстер Г. Фурцева разучивает с участницами коллектива новые частушки. Ниже — солистки Сибирского хора Г. Агеева, Е. Просветова и Н. Сердюк.

— Выступает Сибирский народный хор, — объявляет ведущий. В зале Новосибирского оперного театра вспыхивают аплодисменты: артисты приветствуют любимых артистов. И вот уже широко летят под сводами песни «Привезайте к нам в Сибирь», написанная руководителем хора композитором В. Левашовым.

Сибирский народный хор — коллектив молодой; он состоит почти целиком из недавних участников самодеятельности и существует всего десять лет. Но его уже успели узнать и полюбить колхозники Алтая и шахтеры Кузбасса, рыбаки Прибалтики и хлопководы Узбекистана.

← Лико отплясывает солистка танцевальной группы Р. Выкалова.

«Как Иван-то хозяйка собирала» — эту народную игровую песню очень любит исполнять А. Непрасова и Л. Гришанин.

Байкал

Проснешся ранним-ранним утром,
Когда не виден чашек лет.
Пойдешь по скалам, вставшим круто,
А камни холодны, как лед.

А тишина резка, как выстрел,
Поднявшись на вершину скал,
Глядишь:
В ладе кристально чистой
Перед тобой застыл Байкал.

Средь снежных гор, в тайге кедровой
Вовек не позабудешь ты
Той безупречной и суровой
Сибирской древней красоты.

Михаил ЛЬВОВ

Встреча друзей

Мне повзросл товарищ фритовой,
Узнаю, что и в Казани полюбил.
— Василий Точематов? Ты? Жинкой?
Ведь ты со мною в Венгрии протискал!

И через чашку он входит в номер мой,
— По вешку... желаю явил!
— Здорово, брат! — Здорово, дорогой!
Мы обнялись, как юности, с восторгом
И вышли по рюмке —

по другой,
Покамест были рюмки под рукой,
Той влаги, что доставлена Тутторгом...

И между стопкой первой и второй
Мы вылились, где друзья живые,
Где Фоминцев — поморник наш и Герой,
Где Саша Соколов и где другие...

Год календарный — пятнадцать шестой,
Но снова прикоснулись к старым датам,
Мы годы отодвинули рукой
И снова очутились в сорок платом.
Мы посетили Прагу и Берлин,
Мы снова с боем прорвались к рейхстагу.
Ввели в Судеты танковой наш клин
И ценой праздничную Прагу.

Все хорошо, все правильно, кажутся
К своим делам вернуться ба каканий.
И с новой силой продолжая жизнь,
Жить и за тех, кто жизнь свою не жалел.
Кто навсегда остался в тех годах —
В сорок штормовый — в сорок платом,
И прозорлив их подвиги —
в трудах,
В делах, в поступках.

Как в бокс в бокс ногда-то.
Но получилось несколько не так...
На три срута вдруг «завелся» Вася.
Не знали дома, где он там и как,
Учитель где, не знали дети в классе.
И не мог найти его. Потом
Он отыскался.

Отыскался свой дом.
Как мучился он! Добрую неделю
С упрямым нежеланием,

с трудом
Из Васи выходили волны хмелья...

И не его — себя за то сужу.
Еще не раз его я в жизни встречу.
Но и ему я и себе скажу:
— Братом мы оправдали нашу встречу?
Еще не мало будет в жизни встреч,
Чтоб светлыми их в памяти сбегать,
Мно хочется вот этими стихами
Сказать друзьям —

...услышавшись с друзьями:
Не отравлять друг другу радость встреч.

РАССКАЗЫ
О НОВЫХ ПРОФЕССИЯХ

Однажды литеец сказал своим товарищам:

А вы знаете, наша профессия идет от женского рукоделия.

— Шутник ты, — ответили ему.
Но литеец не шутил. Он вспомнил любопытную историю, рассказанную археологами. Проводя раскопки на месте бывших славяно-чудских поселений, ученые обнаружили в женских погребениях рядом с зерненистыми пряслицами, иглами и точилками литые формы для металла.

Можно представить себе, как двенадцать веков назад собиравшись по вечерам женщины, пели песни, пряли, шили одежды и отглаживали их расправленной медью всевозможные украшения.

Самые неожиданные, поучительные и интересные рассказы о том, как зарождались, развивались ремесла, встречаются в записках крестьянских и писем перевозчиков, в отчетах археологов и в трактатах ученых. Если собрать все эти драгоценные странички, получится огромная книга о человеческих профессиях.

Представьте себе, что такая книга лежит на вашем столе. Перелистывая ее, вы знакомитесь с пионерами новых профессий, с людьми, которые умели лучше и разумнее своих предшественников создавать орудия труда.

...Прошли целые века прежде, чем медь начала плавить в обычных кузнечных горнах. Вот он, кузнец, универсальный металлург того времени, тот, кто сам плавил руду в горне и сам же выковывал из добытого металла нужные вещи.

Но развитие науки и технические открытия с каждым столетием усложняли и расширяли металлургическое производство, вызывая к жизни представителей все новых и новых специальностей. Появились домашники, литейщики, мартовцы, прокатчики...

А что принес с собой в металлургию и другие отрасли промышленности отнюдь новейшие открытия в электронике? Сегодня мы расскажем о некоторых новых профессиях. Появившись совсем недавно, они с каждым днем все настоятельнее и настоятельнее дают о себе знать.

ВИДЕТЬ НЕВИДИМОЕ

В зимнюю морозную ночь между двумя сибирскими полукатами как-то заметил допущивший релс. Специалисты-металловеды долго исследовали трещины и наконец объявили: металл не выдержал мороза. В ней слишком много фосфора.

Фосфор — лютой враг доброкачественного металла. В процессе мартовеной плавки это вещество удаляют из чугуна вместе с шлаком. Когда-то на заводе этим занимался сталевар. От его мастерства и опыта зависел успех. Но прошло время, и одного искусства сталевара стало недостаточно. В цех пригласили химика-аналитика.

Однако и химик не долго оставался ассистентом «оравулов». Иной раз для того, чтобы сказать свое слово, ему требовалось слышное много времени. А у металлурга каждая секунда на счету. Нужен был исследователь, вооруженный более совершенными средствами и методами, чем обычный анализ. Стал жизненно необходим тесный союз рабочего с предельно точным и наблюдательным глазом — аналитика.

Работники металлургических предприятий предъявляли претензии не только химикам. Трубы со сварным швом рвали, например, происходили рентгеновскими лучами. Процесс этот весьма неудобен. На пленку приходилось заснимать каждый сантиметр шва, и «прямой» одной лишь трубы затвигивался надолом, обходясь государству очень дорого.

Трудно было без «острого глаза» и литейщика. Предлагают, например, горьковчане с заводом «Красное Сормово» совместно с работниками Центрального научно-исследовательского института черной металлургии новый метод непрерывной разливки стали. Решив избавиться от промежуточных операций, они начали подавать сталь из мартовеной печи прямо в кристаллизатор — особые агрегаты, где металл охлаждается и заодно приобретает нужную форму.

Однако столкнулись новаторы с неожиданным препятствием. В кристаллизаторе, которые имеют форму цилиндров, должен постоянно сохраняться заданный уровень стали. Но ведь сквозь стенки цилиндра сталь не увидишь. Как же следить за этим уровнем?

Небагалоуочу было и у домешников. Внутренняя огнеупорная кладка печи — футеровка — как известно, в определенной мере прогорает. Но как точно установить этот момент, люди не знали. Иногда печь останавливали, а футеровка оказывалась целесообразной...

Словом, сталеварам и литейщикам, прокатчикам и домешникам необходимо был новый специалист, умеющий видеть сквозь железо и камень, спиналист, которому доступны самые «таинственные» процессы.

...На длинной полке в лаборатории стоят две пробирки. В одной из них кобальт обыкновенный, в другой — его радиоактивные изотопы. — Что это значит?

Лаборант объясняет: — Каждый атом вещества, положенного во вторую пробирку, имеет иной вес, чем его собрат в первой пробирке. В течение определенного срока происходит «перестройка» ядер атомов, находящихся во второй пробирке. И пока она длится, атомы выделяют частицы «бета» и «гамма».

Эти частицы очень сильны. Они способны проникнуть сквозь довольно плотные перегородки. Обнаружить и установить их количество можно с помощью прибора — счетчика. Кроме того, сила «вылученной» радиоактивных изотопов не остается неизменной. В различных производственных условиях она меняется...

Лаборант рассказывает очень интересные вещи. Но в какой лаборатории мы находимся? Кто он, наш собеседник в белом халате?

Это представитель новой специальности, работник заводской радиометрической лаборатории. Теперь для того, чтобы установить количество фосфора в расплавленном металле и шлуме, совсем не обязательно проводить частые и долгие химические анализы. В огромные миксеры, в которых хранится жидкий чугун, вводится радиоактивный изотоп фосфора. Химическим путем устанавливается количество его в одной пробе, вынашивается сила излучения — и определяется соотношение между количеством фосфора и его радиоактивностью. Следя по специальному прибору за изменением радиоактивности, можно судить о содержании фосфора в металле.

Нам новый «метрик», лаборант-радиометрист, способен определить содержание не одного лишь фосфора.

Как-то на Челябинском металлургическом заводе понадобилось выплавить сталь с таким незначительным присутствием серы, что химики вообще отказались контролировать этот процесс. Радиометрический способ помог.

На трубных заводах новая лаборатория с успехом заменяет рентгеновские «кабинеты». Не приходится больше останавливать движущийся поток труб, чтобы заснять на пленку каждый сантиметр шва. Частицы изотопов будут «спрыскивать» шов во время движения. И если в нем окажется дефект, то большее количество частиц достигнет счетчика. Специальное перо, скользящее по бумажной ленте, оставит на ней острый штрих.

И литейщикам чуткие аппараты покажут, проходят ли радиоактивные частицы через полосу чистая кристаллизатора или «проборуются» сквозь слой жидкой стали.

А доменщики, установив в разных слоях огнеупорной кладки печи по патрону с вращением, впервые смогут совершенно точно определить срок ремонта домы.

Трудно перечислить все то новое, что принес с собой на завод работник радиометрической лаборатории, специальность которого — видеть невидимое и замечать незаметное.

ИСТОРИЯ ВАШЕЙ КОМНАТЫ

Давным-давно решил как-то крестьянин соорудить себе избу. Все в этой избе — от сруба до флюгера — сделал он сам.

Прошло много лет. Воздумал один богатый горожанин построить кирпичный дом. Позвал он работников: каменщиков, кровельщиков, стекольщиков. Они устанавливали фундамент, клали стены, штукатурили. На строительную площадку заводов и фабрик переправляли ступали материалы: кирпич, железо, стекло и прочее. Дом как бы начинал возводиться еще там, на заводе.

Постепенно люди убедились: чем больше работ переносится со строительной площадки на заводской цех, тем выгоднее и удобнее. На заводе шире механизация, выше производительность труда. Там производство становится массовым, серийным, а значит, более дешевым и выдлым.

И вот несколько лет назад взамен сотен тысяч кирпичей привезли на строительство дома всего три тысячи железобетонных деталей. Строителям оставалось только собрать их.

Это был крупный шаг вперед. Однако когда пристроились к работе строители-монтажники, собирающих железобетонный каркас, долами и навешивающих на него стены, то подумали: а нельзя ли еще больше облегчить их труд, еще полнее загрузить заводские цехи?

...На улицах наших городов и поселков каждый год вырастают тысячи разнообразных зданий. Строятся промышленные предприятия, школы, универмаги. Хотя эти сооружения и не похожи друг на друга, есть в них нечто общее. В таких домах стены выполняют в основном «отражающую» функцию. А каркас несет на себе тяжесть дома.

В жилых зданиях нет нужды строить просторные, неперегороженные помещения. Если жилой дом «разрезать» сверху вниз, то можно увидеть небольшие и одинаковые ячейки. Вот строители и подумали: нельзя ли «проручить» стенам-ячейкам, плотно сцепленным друг с другом, нести на себе тяжесть соседней ячейки, передать им «работу», которую выполняет в других домах каркас?

И тут перед заводскими цехами встал новая задача. Ведь только цельная и монолитная стена может вынести на себе изрядную тяжесть. Вместо отдельных деталей будущего дома — блоков и мелких панелей — на заводе начали готовить сразу стену комнаты. Сделали ее с окнами и дверями. С арматурой внутри змейком водного отопления, с электропроводкой. С отрезками водопроводных труб и мусоропроводом. С готовой штукатуркой.

На чем обычно чертят чертежи? Вероятно, на бумаге, на прозрачной кальке. «Чертеж бескаркасного дома выполняют еще и на камне, на бетоне. Представитель новой профессии, мастер по монтажу бескаркасных крупноформатных панелей, приходит на площадку, когда заложен фундамент и построен подвал с перекрытием. Перед ним обширный «монтажный горизонт», после будущей «битвы».

«Битва», как обычно, начинается с разведки. Мастер с геодезистом тщательно измеряют уровень площадки, определяют, на каком расстоянии от края можно возводить наружные стены. На бетон ложатся красные полосы — линии нового «чертежа». Строго по проекту определяется место лестничной площадки, внутренних перегородок. Затем мастер составляет монтажную схему и вручает ее такелажнику.

Начинается «сражение». Мастер подает команду, и сигнальный флажок оповещает кранщика: «Внимание!»
...Плавно плывет крюк крана. Медленно

ПОСЛЕ ФИНАЛА

Есть достойная
смена

А. ВОРОБЬЕВ,
чемпион и рекордсмен мира.

Теперь, когда подоспели очки и выявлены победители, можно поговорить об итогах Spartakiad народов СССР, надыть в будущее. Решения обратятся к некоторым участникам, некоторым гостям с беговыми подвигами своими впечатлениями.

Когда перед открытием Spartakiad народов СССР меня спросили, каких результатов думаю добиться, я ответил, что надеюсь установить мировой рекорд в тробреье — 462,5 килограмма. Теперь я могу сказать, что обещание свое действительно выполнил. Я установил два мировых рекорда: в рывке — 143 килограмма и в тробреье, подняв столько, сколько и обещал.

Нас, спортсменов, так сказало «старшего поколения», очень радует бурный рост молодежи. Spartakiada выявила немало одаренных штангистов. Это очень отрядный фант.

«Ты не бойся ни жары и ни холода»

В. ПОЛЯКОВ,

чемпион Spartakiad по прыжкам в высоту.

Говоря открыто, я не думаю, что именно мне удастся стать чемпионом Spartakiad и Советского Союза. Главным претендентом я считал Игоря

Кашкарова, который совсем недавно на Spartakiade Москвы преодолел рекордную высоту — 2 метра 8 сантиметров. Я же на этих соревнованиях впер-

пускается он к монтажникам. Строители устанавливают панели «ячейки в ячейку». Из каждой панели торчат прутья железной арматуры — «фиксаторы». Без них стена к стене ровно не встанет.

Потом монтажники принимают сваривать прутья арматуры и заливать швы между каждой панелью раствором. Через несколько дней раствор застывает и станет крепче камня.

Новый метод сразу показал свои преимущества. Хронометристы подсчитали, что установка наружной стены дома занимает в среднем 17,4 минуты, внутренней стены — 17,1 минуты. Выходит, каждые 26—28 дней строится четырехэтажный дом на 32 квартиры. А рабочих на монтаже занято не более 14 человек, и трудятся они в две смены.

Если бы за это же время решили построить обыкновенный четырехэтажный дом, то понадобился бы две смены по 50 человек в каждой. Ведь затраты труда на строительство кирпичного дома в семь раз превышают затраты на монтаж бескаркасного дома.

Вот что дал строительство новый метод.

В недалеком будущем появится у нас десятки, сотни заводов, изготавливающих детали для таких домов. Выйдут на монтажные площадки люди технической грамотные, квалифицированные, настоящие индустриальные рабочие. Подает команду мастер монтажного — главный лекарь дома, и сигнальщики взамах флажка возвестят о начале очередного строительства.

КОНЕЦ ДЕРЕВЯННОГО СТОЛБА

В подпольной шахте стоял деревянный столб. Он подпирал кровлю, сдерживая тысячекилограммовую тяжесть земли. Случалось так, что порода ломала столб, тяжелые глыбы рушились на углекопов, замуровывая людей в забое.

Чтобы избежать этого, старый забой закладывался «пустой» породой, и неужная больше кровля не нависала над людьми.

Много часов трудились бегучи, складывая из кусков земли «бурные» стены. Иногда легко оказывалось просто завалить старый забой, обрушив над ним кровлю. На это трудное дело посылали посадков.

Посадку устанавливали дополнительные под-

НОГО СВИСТКА

аме в жизни перешел двухметровый рубеж. Конечно, я счастлив, завоевав золотую медаль. Тем более приятно, что это случилось в день моего рождения — мне исполнился 21 год.

Мне думается, что прыжки, как, впрочем, и другие легкоатлеты, в некоторых видах выступили несколько ниже своих возможностей. Минюга говорит: «Винатав» — плохая погода. По-моему, причина не только в этом. В известной спортивной песенке есть слова: «Ты не боишься жары и ни холода». А мы, легкоатлеты, подчас боимся и жары и холода, так как привыкли выступать только в идеальных

Спартакиады. Победить на наших соревнованиях очень трудно, пожалуй, труднее, чем на первенстве мира. Там выступают только шесть сильнейших гимнастов от каждой страны. У нас же сильнейшими можно назвать десятки спортсменов. И на каждом соревновании появляются новые имена. Несколько месяцев назад мало кто знал украинскую гимнастку П. Астахову, а теперь она завоевала бронзовую медаль, опережая чемпионок мира Г. Шамайр, Л. Латынскую. Быстро растешь у нас молодые.

Перед нами почетная задача — не сдать тех позиций, которые завоевали наши гимнасты на прошлых летних играх. Надеемся на успех!

условиях. Это, конечно, неправильно. Нужно быть готовым выступать при любой погоде.

Твердо верим в успех

Т. МАНИНА,
чемпионка мира, СССР и Спартакиады.

Мне впервые удалось стать абсолютной чемпионкой страны. Сейчас эта победа приятна вдвойне, ибо я стала и чемпионкой

Люди большой надежды

Г-Н М. НЕГРИ,
президент Международной федерации плавания.

Соревнования были организованы образцово. Что мне особенно понравилось, — здесь много хороших спортсменов, легче выбрать наиболее способных. Особенно хочется отметить молодых пловцов, добившихся

результатов международного класса. Это люди большой надежды. Думаю, что на предстоящих олимпийских играх основная борьба развернется между пловцами Австралии, Японии, Венгрии, США и Советского Союза.

порки между пустым и действующим забоем. Это была черта жизни и смерти. Все, что оставалось по ту сторону ее, лишь туманные завалистые ступоидными глыбами. За эту черту уходил посадочник. Он рубил столбы, поддерживающие кровлю. Когда порода начинала разрушаться, уходил из забоя, если, конечно, успевал... Писатель В. Вересаев в очерке «Подземное царство» ярко описал работу посадочника. Там есть такой эпизод.

Хозяин шахты зывал к себе посадочника. Он предложил им выкопать из старого забоя деревянные стойки. За каждую стойку — четыре копейки...

«Шедрость» шахтовладельца объяснялась просто. Лес обходился очень дорого. Хозяин в лапате за копейкой посыпал углекислоты на верную гибель...»

Деревянный столб поддерживал кровлю в шахте не одно столетие. Но в конце концов из подпоры он превратился в помеху. Теперь уже не отдельный шахтовладелец подыскивал убытки, понесенные от закупки бревен. Десят миллионы кубометров отборной строительной древесины требовала ежегодно угольная промышленность.

Папа, мама, бокс и я

Б. АЙНУДИНОВ,
топирь завода «Борец».

Первый раз я увидел берсеркский поединки несколько лет назад в парке. Шли соревнования на «открытом ринге». Потом я чаще стал бывать на со-

ревнованиях боксеров, увидев настоящих мастеров — кожаной перчатке меня повлеклись свои любимцы: Борис Степанов, Владимир Енигбарян, Аллигидас Шюцкас.

На Спартакиаде народов СССР меня порадовали молодые боксеры А. Засухин, В. Разванев, мои старые пошдерные: Б. Степанов, А. Шюцкас, Огторгун. Я В. Енигбарян, который выступал вяло и неуверенно.

Хочется сделать мне упрек суавым. Я болевщик, а болевщик всегда имеет особое мнение. Мне кажется, что в финальных боях победу иногда присуждают «именам», а не боксерам.

В боксе у меня есть и чисто личная проблема. Я уже сказал, что бокс уви-

дел давно и с той поры сам решил заниматься этим видом спорта. Но мои родители даде слышать об этом не хотят, и вот уже несколько лет идет тайная борьба. Я пишу об этом, надеюсь, что читатели журнала «Смена» вступят на мою сторону. И тогда мы вместе сумеем переубедить моего папу и маму.

Две медали

А. КОВАЛЕНКО,
чемпионка Спартакиады по плаванию.

Этот год для меня особенный. В течение лета я получила две золотые медали: одну — в школе вместе с атлетством, зрелости, другую — на Спартакиаде, выступив в соревнованиях. Между этими двумя событиями был очень напряженный период: я сдавала экзамены в Киевский университет и одновременно участвовала в республиканской спартакиаде. Мне удалось установить всеобщее достижение по группе девушек.

В Москве мне, конечно, хотелось победить, хотя я и не очень рассчитывала на первое место. Ведь мой соперницей была неоднократная чемпионка СССР Мария Гавриш. Однако здесь мне удалось выиграть.

Впереди много ответ-

ственных соревнований и прежде всего олимпийские игры, где мы предстоит трудная борьба с сильными пловцами Японии, Венгрии и других стран.

Деревянный столб прегреждал тут современной шахтерской технике. И только с появлением агрегата «МПК» обстановка в корне изменилась. Лифт шахты поднял на землю около десяти посадочников и бучников, а вместо них опустил двух человек — представителей новой подземной профессии — машиниста «МПК» и его помощника.

...Три буквы — «МПК» — обозначают: механическая передвижная крель. За этими словами скрываются большие и важные вермены в шахте.

Передвижник «МПК» ползет за комбайном на расстоянии 20—30 метров. Проходя, он оттягивает а сторону конвейер. Затем останавливается у каждой стойки, напоминающей сразу и оттопыренный параллелепипед и букву «Г». Оттягивает «карандаш» упирается в землю, а горизонтальная палочка буквы «Г» поддерживает кровлю.

Машинист комбайна нажимает рычаг, и передвижник протягивает к стойке мощную «руку» — лифту. По стойкам машиниста ценно соединяет ее со стойкой. Затем машинист выключает другой рычаг — «рукa» убирается и тащит за собой рычаг.

Выполнив эту операцию, передвижник ползет к другой стойке. Опять выдвигается «рука», снова помощник орудует цепью, и новая стойка также перемещается в действующий забой. А там, где раньше работали угольщики, крошки, лишенная горизонтальных позорно, сама собой рушится.

В большой книге о человеческих профессиях мы прочли лишь несколько страниц о зорком помощнике металлургов, о главном «лесничке» дома, о людях, изгнавших из шахты деревянные столбы.

Но сколько страниц этой книги, написанных совсем недавно, остались неизменными — проницательными! Откройте небольшую брошюру, на обложке которой написано: «Директивны XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы».

Эта брошюра — верный путеводитель. Следуйте ему, вы найдете и свое место среди людей всевозможных профессий, среди советских людей, умножающих богатства нашей Родины.

МАСТЕРСТВО, ТОЧНОСТЬ, ОТВАГА

...На большой высоте самолет пролетит над зеленым полем Центрального аэродрома имени Чкалова. Парашютист, приготовившийся к прыжку, внимательно смотрит вниз: там, на посадочной площадке, должен быть выложен белый крест. Перед спортсменом труднейшая задача — приземлиться в самом центре этого креста.

Пилот поднимает руку: пора! Парашютист отсоединяется от машины и стремительно несется на встречу приближающейся земле. Секунда... две... десять... двадцать секунд — и над его головой вспыхивает разноцветный шкваловой купол.

Нужно обладать большим опытом, чтобы опуститься точно в указанном месте. То подтягивая, то отпуская стропы парашюта, спортсмен «подруливает» и цели. И вот он уже на земле. Судьи производят замер. Отклонение всего... 71 сантиметр. Лучший результат в мире!

Ивана Федчишина, совершившего столь удачный прыжок, сразу окружает целая толпа. Ему жмут руку товарищи, его поздравляют спортсмены других стран, участвующие в розыгрыше первенства мира по парашютному спорту.

Имя Ивана Федчишина хорошо известно спортсменам-парашютистам. Два года назад на очередном розыгрыше первенства, проходившем в Париже, Федчишин завоевал звание чемпиона мира. И именно поэтому нынешние соревнования проводились в Советском Союзе, в Москве. Такова традиция: чтобы выявить лучших парашютисты собираются в той стране, которая одержала победу на предыдущем розыгрыше первенства.

...Над аэродромом в Тушине реяли флаги десяти государств: Болгарии, Венгрии, Израиля, Польши, Румынии, СССР, Чехословакия и Франция выставили мужские команды (по пять человек) и женские (по три). От США и Югославии в первенстве участвовали только мужчины.

В качестве наблюдателей на чемпионате присутствовали представители национальных аэроклубов Англии, Китая, Кореи, Южной

Фото В. Тюккеля.

и Демократической Республики Австрия, Монгольской Народной Республики, Турции, Швеции и Французского рабочего аэроклуба металлургов.

Состязания были упорными. Серьезных успехов в отдельных упражнениях добились чех Юри

Кривань, его соотечественница Иозефа Мансова. Мировой рекорд на точность приземления установил болгарский спортсмен Асен Шарков.

Выступают американские спортсмены. Перед тем, как подняться в воздух, они останавли-

Прыжок завершен. Зеленое поле аэродрома устилает цветной шлейф парашютов.

ванятся около самолета и спускаются на землю.

...то этот — недоумевают зрители. Оказывается, посланные США... молятся богу. Лишь только после этого они поднимаются на борт самолета.

Но моменты помогли им не всегда. У Льюиса Самберна не распрямился парашют, пришлось воспользоваться запасным. После приземления выяснилось, что раскряку главного купола помешало резиновое кольцо, которое американцы надевают на стропы при упаковке, чтобы предотвратить перекрещивания купола. Но приспособление оказалось ненадежным... Истатн говоря, этот случай отката парашюта был единственным. Американцы показали хорошие результаты по времени задержки раскрытия парашюта и хорошей стили падения, но привелись все на значительном удалении от цели. По сумме двух управлений никто из них не был ближе двадцатого места.

Лучшие результаты в юбилейных прыжках показали советские парашютисты Иван Фещичин, занявший первое место, Юрий Пекнин — второе и чехословацкий спортсмен Зденек Каплан — третье.

Перед последним днем соревнований по сумме двух управлений анкетировали советские парашютисты. По пятям за ними следовали чехословацкие спортсмены.

Исход спортивной борьбы должны были решить групповые прыжки на точность приземления с высоты тысяч метров. Перед началом соревнований подул порывистый ветер, часто изменявший свое направление. Многие команды, в том числе и команду СССР, постигла неудача. Большинство участников соревнований или приземлилось далеко от центра, или совсем не пошло в круг.

Во втором прыжке команда СССР приземлилась нулю и близко к центру круга, но возместить потерянные очки ей не удалось.

После упорной севидневной борьбы в небе над Тушиной средн мужских команд первое место заняла команда Чехословакия, вто-

Прежде чем подняться в воздух, американские парашютисты на всякий случай молятся богу.

рое — СССР, третье — Болгарии. У женщин на первое место вышла команда СССР, на второе — Чехословакия, на третье — Болгарии.

В личном первенстве блестящую победу одержали чехословацкие парашютисты Густав Юубен и Мозефа Мансова, завоевавшие почетное звание чемпионов мира по парашютному спорту. Советские спортсмены В. Самарьствова, Г. Мухина и Н. Пражина оказались на втором, третьем и четвертом местах.

Победителям розыгрыша мира по парашютному спорту в торжественной обстановке было вручено 6 медалей ФАИ и 37 медалей СССР. Из этих 43 медалей советские парашютисты получили 16, чехословацкие — 14, болгарские — 7, польские — 3, французские — 2, югославские — 1.

Следующая встреча парашютистов состоится в 1958 году в Чехословакии. Наши спортсмены должны хорошо подготовиться к ней. Надо полагать, что за это время ряд победителей парашютизма нашего времени вырастут, пополнив молодежную и в будущи соревнованиях ряды с известными мастерами — выступят юноши и девушки, совсем недавно совершившие свои первые прыжки.

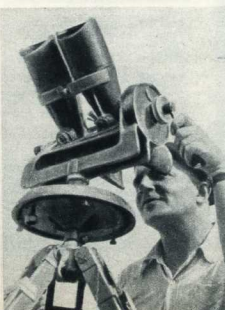
А. ВИНКУРОВ,
старший судья этого первенства
мира по парашютному спорту.

Снимки, расположенные внизу, сделаны в последний день соревнований. На одном из них любители парашютного спорта зачаток на руках чешку Н. Мансову, выигравшую второе место в личном зачете. На соседней фотографии — Ю. Самарьствова, Г. Мухина, Н. Пражина перед прыжком, который должны выявить победителей в ювильных соревнованиях. Их последние выступления отличались исключительным мастерством и красотой. За этим прыжком зрителем наблюдал гости из Югославии. Еще более тщательно за парашютистами следили в стереотрубу судьи. Но даже самые строгие из них не могли найти погрешностей в технике. Советские парашютисты стали чемпионами мира.

Любовь работя стропами, парашютист спорулирует и цели.

Вперед! ответственный прыжок. Польские парашютисты отдыхают прямо на траве, рядом со стартом.

ЧУЖАЯ

В одну из комнат Пролетарского района комсомолка Москва вошла немыска, в мелкий курдюк девушка.

— А здесь в Сибирь направляю? Работник района жестом пригласил девушку присесть возле стола.

— Запишите меня куда-нибудь на стройку,— попросила она.

— А вы откуда? Работаете, учитесь?

— Я контролер ОТК, с автозавода.

А... Вы у Лыба Третьякова работаете? Показала фотографию.

Девушка показала плечами: — Не знаю такого. Я в ОТК недавно, раньше в других цехах работала.

— Комсомолка?

— Нет.

— Почему?

— Не знаю... Не готова еще, наверное...

— Ну, что же это вы, девушки не навиделись? Хотите в годовой работник района... Изъявлив желание поехать на важнейшую новостройку, а в комсомол не вступили. Как же так? Нужно оформить. Мы в Сибирь одних комсомольцев провозим...

Ну как, будете вступать?

— Пожалуйста,— ответила девушка, несколько сбивая с толку такой поспешностью.— Только это дело дождо? А ребята на дух уежают.

— Насчет времени не беспокойте,— авторитетно сказал работник района.— Мы быстро оформим... Пишите заявление...

Кто-то девушка ушел, он снял телефонную трубку, и набрал номер.

— Алло! Комитет автозавода? Кто это?...

Передать комсору Третьякову, что в райком была Степина, Гаяля Степина. Изъявлив желание поехать на новостройку. Пусть он по-быстро оформит ее... Да, в комсомол принять надо... Уместе вы ребята, товарищи? Просмотрели человека... Ну, давайте, давайте. Только это нужно сделать сегодня. Жду. До свидания.

Сейчас уже трудно установить, кто разговаривал с Гаялей, кто злит ее из зависти. Никто не помнит, никто не хочет сонноваться.

А может, и действительно товарищи не заметили этого события в галливной жизни, с такой мимолетной быстротой все было продано.

Уже через день Гаяля Степина сидела в райкоме комсомолка, и в ее сумочке лежала комсомольская книжечка. Девушка раздумывала: ехать или не ехать (в Сибирь)? Конечно, там тяжело — это не метро... там в ГУМа там нет, ни метро... может, и кино не будет... Статей? Но дома мать зудит каждый день. Шату не дает ступить. Надоело! С Вонкой опять же поспорили. Надо прочувствовать их все...

Девушка, решайте скорее: выписывать вам путевку или нет? — нетерпеливо постукала по столу Зоя Голубева, секретарь райкома комсомолка. — Не одна же вы тут. Люди ждут в приемной.

Вот вы, выписывайте, еду!

В это время дверь притворилась и в кабинет секретаря райкома

заглянула пожилая женщина. Усталое лицо ее болезненно сморщилось.

— Товарищи, не пускайте! се, пожалуйста! материального совета. Она ведь не работает, гуляет туда едет...

— А ты молчи, тебя не спрашивают! — резко бросила через плечо Гаяля.

Зоя подняла голову.

— Товарищи, не мешайте. Гаяля — взрослый, самостоятельный человек, комсомолка. Она сама решает свое судьбу. Вы ее не удержите.

Гаяля Степина уехала на Восток, уехала вместе с десятками замечательных комсомольцев-инженеров в сибирский город Бинок. Строить заводы и поселки, строить новую жизнь. Нет нужды описывать проводы и встречи добровольцев: они были торжественны и задумчивы. Провожали и встречали их, как настоящих патриотов, героев. Все эти почести и подарки, слова любви и уважения принимала в свой адрес и Гаяля Степина, принимала и бездумно лагала товарищам, что опраивает их доверие, что будет честно трудиться там, где нужны ее молодые руки.

Да, Гаяля лагала, потому что в душе она лежала совсем другие надежды и руки ее были совсем не из тех, которые жалны до работы. В том, что Гаяля — белоручка, все убедилась сразу же, как только группа новоселов-автозаводцев приехала на стройку в город Бинок.

Тамара Захарова со своими подругами согласилась работать штукатуром. Николай Пятунин сколотил бригаду бетонщиков, и остались желающие стать каменщиками, подсобными рабочими, плотниками, плотниками. Только Степина не могла никак выбрать себе специальность.

— Штукатуром я не стану,— категорически заявила она заместителю управляющего трестом Михаилу Петровичу Шляхову.— Будешь, как черт, грязня ходить. Удовольствие тоже...

— Может, вы на кирпичный завод пойдете работать?

— А что там делать?

— Кирпичи.

— Хорошо. Посмотрю. На другой день разговор продолжился.

— Глупую вещь я не намерена,— каяриво вытятив нижнюю губу, говорила Гаяля.

— А что же вы намерены делать? — с раздражением спросил Михаил Петрович.

— В Москве, на автозаводе, я была контролером ОТК.

— Да не у нас так таких должностей. Поймите же, у нас стройка, а не автомобильный завод.

— Нет таких должностей? — переспросила Степина.— Поищите... Имеете в виду, если не устроите меня контролером, уеду в Москву.

Дверь хлопнула, из коридора донесся четкий, самодурный выстука каблуков.

Целую неделю прожизла Гаяля в стройгородке и палец о палец не ударила. С утра до вечера слонялась по поселку, ходила по магазинам, в кино, на пляж. Как тяжело выглядела празднично-одевающаяся девица в молочно-белом, в широкополой соломенной шляпе, с экстравагантной сумочкой через плечо в этом городе-трущобе.

Трудно здесь, для меня... — В чем трудно?

— Работы тяжелой.

— Да вы же ни одного дня не работали!

— Девочки говорят... А потом, знаете, друга у вас не найдете себе...

— А какой вам нужен друг?

— Настоящий, чтоб я его поминала и он меня поминал...

— Ну, конечно, Гаяля, тяжело, трудно будет найти,— горько усмехнулся Владимир.

— Да,— подхватила Гаяля.— У вас тут соборится скучное...

— Ну, знаете, не нам сюда у Людей секретаря встал из-за стола и в волнении прошелся по комнате.— На своей арини не мерьте...

На минуту воцарилось тяжелое молчание.

— Вы еще не видели никаких трудностей,— продолжал Владимир,— а уже струсили, бежите. Как вам не стыдно, вы же комсомолка, у вас комсомольский билет в кармане!...

— Что вы мне этим билетом в глаза тычете! — Гаяля щелкнула сумочкой, выхватила красную книжечку и бросила ее на стол.— Вольготно, я и в Москве не нуждалась...

Владимир побелел от злости. Ему хотелось встряхнуть хорошенько эту «соломенную шляпу», но он сдержался, только указал на дверь:

— Если так, катитесь! Ска-тертью дорога!

В тот же день Степина отправив материю телеграмму: «Телеграфией выте, Соборилось Москву».

Получив телеграмму, встревоженная мать села за писмо: «Здравствуй, Гаяля! Привет тебе от мамы и Толлика. Гаяля, я только что получила твою телеграмму. Ты просишь, чтоб я послала тебе шифр. Гаяля, не обижайся, сделать этого не могу. Ты очень глупо рассуждаешь: один день прожизла, и тебе уже невыносимо жить там... Мне хо-

целую комнату; на кирпичном заводе девочки изготовили первую сотню кирпичей, каменщики закончили строительство... А у Степина какая радость? Какую она одержала победу? — Скоро устроится на работу? — спрашивали подруги.

— Устроюсь, — неизменно отвечала Гаяля.— Разве эти бюрократы сразу пропустят?...

— Слышай, Гаяля, ты целыми днями сидишь дома, почему ты для себя не повесаришь? Смотри, у тебя какая форма белья под стрелкой,— упрекала ее Ваяя Сергеева.— Нам за тебя стыдно.

— Я не умею, девочки.

— Откуда ты издалась такая? То не умеешь, то не хочешь...

— У меня дома мама стирала и гладила, а я вот не выучилась,— невинно разводила Гаяля руками.

Ее подманили на смех, вышучивали, укоряли, уговаривали— ничего не помогало: стесняясь себе тяжелой работой и всякими житейскими заботами Гаяля упорно не желала. Но до житья такая ее тоже не удержала. И вот она пришла в комитет комсомолов треста.

— Товарищ секретарь, отпусти меня в Москву.

Владимир Малашкин, круглолицый, чернявый парень с серьезными глазами, вопросительно посмотрел на нее.

— Это почему?

— Там уже, для меня...

— В чем трудно?

— Работа тяжелая.

— Да вы же ни одного дня не работали!

— Девочки говорят... А потом, знаете, друга у вас не найдете себе...

— А какой вам нужен друг?

— Настоящий, чтоб я его поминала и он меня поминал...

— Ну, конечно, Гаяля, тяжело, трудно будет найти,— горько усмехнулся Владимир.

— Да,— подхватила Гаяля.— У вас тут соборится скучное...

— Ну, знаете, не нам сюда у Людей секретаря встал из-за стола и в волнении прошелся по комнате.— На своей арини не мерьте...

На минуту воцарилось тяжелое молчание.

— Вы еще не видели никаких трудностей,— продолжал Владимир,— а уже струсили, бежите. Как вам не стыдно, вы же комсомолка, у вас комсомольский билет в кармане!...

— Что вы мне этим билетом в глаза тычете! — Гаяля щелкнула сумочкой, выхватила красную книжечку и бросила ее на стол.— Вольготно, я и в Москве не нуждалась...

Владимир побелел от злости. Ему хотелось встряхнуть хорошенько эту «соломенную шляпу», но он сдержался, только указал на дверь:

— Если так, катитесь! Ска-тертью дорога!

В тот же день Степина отправив материю телеграмму: «Телеграфией выте, Соборилось Москву».

Получив телеграмму, встревоженная мать села за писмо: «Здравствуй, Гаяля! Привет тебе от мамы и Толлика. Гаяля, я только что получила твою телеграмму. Ты просишь, чтоб я послала тебе шифр. Гаяля, не обижайся, сделать этого не могу. Ты очень глупо рассуждаешь: один день прожизла, и тебе уже невыносимо жить там... Мне хо-

Юрий КАЛЕБИН

Ты тогда поняла бы...

Если бы ты хоть раз оглядела Те края, где мой дом родной, Где любил береза белая, Вот как ты, знакомая со мной!

Знаешь, сколько там птиц веселых! А сады там в цветах таких, что весь день неспешды-челны Отарваться не могут от них!

А смордана там с рабиноу До того красна и густа, Слово это зрби нуворины Винут гроздьими на кустах.

Если бы ты хоть раз подняла Хит челноку одну проволку, Где самца такая встала, Где пеленки ты скрещивала в ней!

Если бы ты с землячками моими Хит челноку одну проволку, Ты бы у нас не рассталась с ними, Не уехала из села.

Ты бы тогда поняла, упрямая, Как мне дороги те края. Крепко, крепко до смерти самой Там любить научился я.

Ст. Волосинский, Запорожье.

В ПИОНЕРСКОМ КОЛХОЗЕ

толось жить одной, весело и роскошно, а главное, чтобы не было рядом твоей плохой матери...

Галья, устраиваясь на работу, не теряй время... Ты лучше напиши нам, как ты живешь, как твоя подружка Валя? Скажи подробно, что за город, какие там условия жизни?.. Еще раз прошу, не решаю спорная, осмотришься, может, тебе понравится, ты привыкнешь к своей новой жизни.

Пока до свидания. Привет Вале. Жду ответа. Мама.

Письма этого Галья не получила. Не дождавшись «вызова», она на другой же день отправилась в дорогу.

Проводы были без цветов и оркестра. У обежиты собрались москвичи-автоводители, несколько десятков человек. Когда с комсомольцами в руках появилась Галья, послышались крики, свист. С минуты растерянная и бледная девушка постояла на крыльце; только было заметно, как тревожно вздрагивают ее длинные серьги в ушах. Потом она решительно растолкала подошедших к ней парней и бросилась бежать.

— Прощай, «туркистка!» — поспешно ей вскрикнул. — Переходи в Москве, чтоб так же, как ты, не появлялись больше здесь.

...От стройгородка до вокзала несколько километров. Но для Гали это был, наверное, самый тяжелый, самый трудный путь. Ее провожали те, кто приехал с ней вместе из Москвы; молодые люди просили, стидили, уговаривали минутку. Ничто не помогало. Тогда на прощание, за несколько минут до отхода поезда, кто-то из парней не удержался и закричал ей звонкую пощечину.

Это тебе вместо поцелуя!.. Гали бежала! Позорно бежала от своих товарищей, от трудностей, бежала, нарушая слово, обещания дороге нам имя — имя комсомольца.

Весь ей в Москву, в Пролетарский райком ВЛКСМ, был выслан и комсомольский билет № 19693476. Сейчас этот билет лежит в сейфе секретаря райкома Зои Голубовой. Несколько раз вызвали Степину в райком комсомола, но она не являлась. Наконец пришла, все такая же накрашенная, развзвизанная: пришла узнавать, чем грозит ее «заблужденная» законной угрозою пригрозиться к обороне, как лучше выкрутиться.

— Что? Почему я приехала! — удивилась Степина в ответ. — Мать болела, приехала вызволить. Не верите? Ну, пожалуйста. Где буду работать? Не беспокойтесь. Я устроюсь как-нибудь. Во всяком случае, на стройку не вернусь. Что? Меня не пропустят в Москву? Да я и не выплываюсь и не собираюсь выплываться. Исключат из комсомола? Ах, ради бога, хоть сейчас. Я вовсе не дорожу этим...

Она ушла и больше не приходила на бюро, где должно было обсуждаться ее персональное дело. И билет ее впервые попрежнему лежит в сейфе Зои Голубовой. Но ни у нее, ни у ее подруги и у Зои Голубовой и тем комсомольским работникам, которые так бездумно, так безответственно отнеслись к важнейшему политическому делу, кто потростовал позорному поступку искательницы приключений Галины Степиной.

У входа в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького выкрасил мальчуган доминового зайчат:

— Я в колхоз, на работу... Мальчуган старается не замечать удивленных взглядов своих сверстников: может быть, колхоз в парке! А попиала женщина-мониторер, ласково улыбаясь, говорит:

— Степаш, спеши! Твои дружки уже там...

Паренек прибавляет шаг и вскоре срысывает за поворотом. Последнее, что мы за ним, узнаем, в каком колхозе здесь, в Москве, работает мальчуган.

...Невысокий забор, за ним — душистые кусты малины, крылья чина, сиродичина. Ветвистые яблони зелеными шпалерами астаки поодаль. Тут же клубы и цветками, грядки с земляникой, клубничкой. В уютном парке не долетает шум города. Тако кругом, нещадное августовское солнце играет на листьях растений.

Узкая дорожка пролегла среди кустов к небольшому домику. Над входом его вывеска: «Управление колхоза «Светлый путь». В уютной комнате за столом — председатель колхоза Гали Уварова, рядом с ней — бригадир: Тали Липенко, Наташа Мочина, Борис Тимонин, Надя Калининна, Борис Айнетдинов.

Сегодня «молохонники» предстоит сделать немало: надо взрыхлить почву вокруг плодовых деревьев, обрезать сухие ветви на кустах земляники, вскопать еще одну грядку под клубнику. Не упустить бы из виду и заготовить корма для кроликов, вычистить клетки, собрать семена на цветочной плантации...

На совеще трудятся юные полеводы.

«Молохонники», взяв лопаты, грабли, садовые ножицы, вместе с бригадиром расходятся по участкам. И пока ребята трудятся, выполняая задание «управления артели», позанимаются коротко с историей возникновения пионерского колхоза «Светлый путь».

Еще весной, когда в школах шли экзамены, работники станции юных натуралистов задулилась над тем, как бы сделать отдых детей, остающихся в городе, поинтереснее. Тогда-то и родилась идея создания пионерского колхоза. Было решено привлечь к участию в нем ребят из городских лагерей, детских площадок при дошкольных учреждениях. Меланамас вступил в «артель» нашлось немало. Летом здесь трудилось около 400 школьников.

В «Светлом пути» все, как в настоящем колхозе: свой устав, «шпаты», четкий поставленный учет.

Пришло время кормить кроликов.

Недавно после сбора плодов в саду школьники понесли домик папеты с ягодами — аманс и смет выработанных трудностей.

«Артели» управляют сами ребята. Педагог-биологи при станции юных натуралистов стараются меньше вмешиваться в их деятельность. Они предоставляют детям самим решать все вопросы «независимого хозяйства».

«Незаметно летит время: два часа — рабочий день в колхозе. Воз-

вращаются с полем бригадиром. Они отвечают в трудовых книжках проделанную работу, обмениваются впечатлениями. Ребята трудятся на совеще. В их главах растет забор... И верится, что для многих из них станет призванием то дело, которое они впервые узнали и горько полюбили на полях пионерского колхоза «Светлый путь».

В. АНДРЕЕВ

У Гали Уваровой — председателя пионерского колхоза — в саду есть свои любимцы...

Рисунки А. Пургасова.

работу: в лесной чаще под высокой сосной сидит ведма и что-то печатает на машинке. Над машинкой, распушив хвост, возвышается черный кот...

Однажды заболела сестренка Таня, и ее положили в больницу. Мальчик каждый день после уроков приносит для девочки рисунки, и все малыши в палате, получая их, приходили в восторг.

Андрей не расставался с альбомом, но это не мешало ему отлично учиться, быть хорошим общественником, заниматься спортом. Вместе с другими ребятами он провозжал на

далекий Амур первые эшелоны комсомольцев, мечтал попасть в Исландию, чтобы бить фашистов, заволновано следил за героическим перелетом Расковой, Осипенко, Гризодубовой.

В альбоме, пронизанном отважными летячим пионерами, есть рисунок Андрея: «Встреча Расковой с медведем». Это одна из лучших работ, присланных детьми Советского Союза.

Наступило лето 1940 года. Андрей окончил десятилетку и ушел на действительную службу в армию. Из части он прислал домой много писем, в которых делился с матерью своими новыми впечатлениями. Одно письмо было осо-

бенным. «В моей жизни произошла большая радость — перемена, — извещал Андрей. — Здесь, служа в армии, я ясно осознал и понял, что должен вступить в ряды комсомола. Быть может, раньше я недостаточно серьезно понимал всю глубину значения этого шага. Теперь же я почувствовал, насколько для меня это важно и необходимо. Вчера я был принят в ряды ВЛКСМ... На душе у меня легко и радостно».

...22 июня 1941 года. Широкие полосы газетной бумаги скрестились на окнах московских домов, тревожные стоны сирен наполнили ули-

Рисунки А. Пургасова.

цы. С фронта начали поступать сводки о тяжелых боях, но шесем от Андрея не было.

Потом неожиданно в госпиталь, где Наталья Николаевна работала старшей сестрой, пришла короткая и радостная весточка из партизанского края: «Жив, бьем врагов!»

А вскоре, почти вслед за первым письмом, почтальон принес страшную весть:

«Ваш сын, Андрей Андреевич Пургасов, москвич, член ВЛКСМ, 1922 года рождения... пал смертью храбрых, сражаясь народным мстителем с немецкими оккупантами за благо Социалистической Родины. Геройски погиб 5 ноября 1942 года».

В смерть не хотелось верить. Неужели? Нет, нет! Не может быть... Но как-то зимой 1945 года пришел Ляня Победосцев — боевой друг Андрея, сыл шинель и рассказал все...

После тяжелых кровопролитных боев, понеся большие потери, дивизия, где друзья служили, попала в окружение. Пробиравшая сквозь тылы врага приходилось мелкими группами. Андрей шел в группе, которая состояла из шести человек. Но вскоре трое погибли. Идти было трудно: не переставая, лил дождь, в лесах становилось холодно, сыро. Порою надежда на возвращение к своим казалась фантастической, но Андрей зло и уверенно говорил: «Ничего, мы за все рассчитаемся».

Неожиданно в холодный осенний рассвет столкнулись с группой немцев. В этой схватке

был убит Яша Белиловский. Осталось двое: Андрей и Леонид.

Еще через несколько дней пути они услышали в стороне плач и стоны. Приблизившись к дороге, увидели толпу изможденных женщин и стариков. Среди них шел маленький мальчик. Он оглядывался и кричал: «Мама! Мама!» Толпу конвоировали четыре гитлеровца с автоматными наравес.

Андрей взглянул на товарища и, уверившись в его решительности, дал очередь по передним конвоирам. С охраной справились быстро. «Бегите, бегите в лес!» — кричал Андрей испуганным людям.

Опасаясь погони, Андрей и Леонид направались вглубь леса. На второй день они вышли к дереву Чугуйке. Идти дальше не было сил. Они нашли пристанище в одной из хат, у пожилой женщины — матери трех бойцов Советской Армии. Долго старались вывести справки о партизанах, но хозяйка отказывалась. Как уже потом выяснилось, она поддерживала связь с партизанами, но решила как следует проверить «жильцов».

Однако слухи о двух постольках дошли до старости, и вскоре друзья схватили. Подвыпивший гитлеровский офицер приказал бросить их в сарай.

Ночью, сорвав зубами друг с друга веревки, они стали искать выход. В одном углу, рядом с деревом, находилась бочка с битым стеклом и песком для засыпки крысиных нор. Андрей кинул на бочку и прошептал: «Давай попробуем. Авось, что-то и выйдет».

Когда фашистский охранник открыл дверь, горсти песка со стеклом ударили ему в глаза. Он отшатнулся. Леонид и Андрей бросились ввысь к озеру, в лес. За спиной раздались треск автомата, но смельчакм удалось услышать от погони.

Ничемые бесконечные скитания. Почти босиком, в тряпье, без пищи, они шли, пока не упали. Замерзших, больных, их подобрал бойца партизанского отряда имени Железняка на Брянщине. Андрей стал народным мстителем...

В конце октября 1942 года на отряд навалилась многоотсычная дивизия немцев. Обстановка сложилась крайне тяжелая: продовольствие кончилось. В отряде было много раненых и женщин с детьми. Принимать бой всем отря-

дом значило идти на верную гибель. Нужно было прорываться, оставив заслон. Андрей в числе других сорока партизан остался в заслоне.

У опушки леса завязалась жестокой бой с наседавшим врагом. Погиб командир группы Бондаренко. Пулеметчик-сталинградец Михаил Крацов израсходовав на врага последний патрон, немцы хотели его взять живым, но Пургасов бросился на выручку и, убив нескольких гитлеровцев, сам ушел, сраженный пулеметной очередью...

Все несложная жизнь этого талантливого юноши — одного из многих замечательных сынов Ленинского комсомола — была наполнена горячей любовью к Родине. В характеристике, данной Андрее заместителем командира партизанского отряда имени Железняка, сказано: «Мы хорошо знаем этого юношу, отважного разведчика отряда, одного из скромных, выдержанных, дисциплинированных и умных членов нашего кавалерийского партизанского отряда».

В жесточайшем бою у леса «Жерновец» он был смертельно ранен в грудь и ногу. По дороге в лес «Сухая хатынка» он умер. Он неоднократно с честью выполнял поручения командования отряда. В нем мы видели одного из смельчак, не щадящих своей жизни для блага Родины человека. Мы храним память о нашем боевом друге».

...Таланту Андрея Пургасова не суждено было расправить крылья. Но и те немногие зарисовки, которые мы видим, позволяют ощутить силу дарования московского школьника, его пылкую, взволнованную душу. В рисунках Андрея Пургасова — золотое детство, мир светлых линий чистота помалом юноши, отдавшего жизнь за любимую Родину, за счастье своих братьев и сестер.

В. КОРНИКОВ

СТИХИ ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА

Отвечая на вопросы читателей: «Кого из русских советских поэтов вы любите больше всего?» — Назым Ахмет одним из первых, вслед за именами Маяковского и Есенина, назвал Леонида Мартынова. Это большая похвала поэту.

Леонид Мартынов в поэзии работает давно. Он выпустил несколько книг. Не так давно в Союзе писателей тепло отмечали его пятидесятилетнюю юбилей.

Однако широкому читателю поэзия Л. Мартынова до сих пор знакома мало.

Как возникло такое обидное противоречие?

Прежде всего нельзя не бросить упрека нашей критике, на протяжении долгого времени совершенно незаслуженно замалчивавшей этот своеобразный и глубокий талант Л. Мартынова не писали. А если иногда и упоминали мельком его имя, то разве только тогда, чтобы предвзвешать ему обвинения в «непонятности», в «нарогательности», в «утопичности» (и даже «аккурчужности») его поэтической манеры.

Безусловно, всем нам чужды бесплотные туманы декадентской поэзии, субъективизма и формализма, противопоставляющие миру реальных вещей. Но бывает в литературном творчестве усложнение формы другого рода, вполне естественная и вызванная поиском новых возможностей, приращением эссе неосвоенного материала. В таких случаях В. Маяковский (который, как известно, тоже долгое время числился под рубрикой поэтов, «непонятных массам»), борясь против упрощенчества в поэзии, говорил: перенатите несколько раз... — и поймете!

От одного из «левых мыслителей» литературных обывателей нам случилось услышать мнение, будто неясно содержание стихотворения Л. Мартынова «Вода». Стихотворение включено в сборник поэма, выпущенный недавно издательством «Молодая гвардия». Редактор — Вл. Сизин. Приводим его полностью:

ВОДА
Вода
Возлеговывала
Лытсый!
Она
Всплывала
Столь чиста.
Что — ни выплывши,
Ни умыться,
И это было непростота.
Не хватало
Ним, тыща
И в очичи претущих лоз;
Ед
Водоросли не хватало
И рыбы, жаркой от стрелю.
Ед
Ним, хватало бы волнистой,
Ед
Ним хватало течь веде.
Ед
Ним не хватало —
Чистой,
Дистиллированной
Воды.

Какжется, нетрудно понять, что это — образ. За этой туманной тидлароновой водой четко угадывается встречающаяся в жизни черствость «чистых», оторванных от действительности, рафинированных или людей, а может быть, и стихов, или взглядов, или отношения к жизни...

Автор, разумеется, мог бы более конкретно сказать, что именно он имел в виду. Но стихотворение от этого утратило бы свою широту, свою силу общности. Нужно лишь требовать большего уточнения?

Леонид Мартынов, как всякий самобытный поэт, имеет свой строй образов, свою манеру. Он относится к читателю с максимальным доверием, видит в нем умного и чувствующего человека и потому, живописуя словом, не навязывает своих выводов, а мягко подводит к ним самого читателя.

По характеру творчества Л. Мартынов — поэт коммунистического гуманизма, поэт горничей любви к людям, к жизни, к своей стране. В этом главный его пафос.

У Л. Мартынова редкая способность видеть в самых мелких, будничных подробностях высокую поэтическую сущность. Он умеет заметить, «как глаза превращаются в очи, как в дела превращаются речи...»

Его радует простое счастье его друзей, его современников. Вот он с удовольствием слушает «что-то огадливую песню»:

В белый шлык по-летнему одета.
Полночь настает.
На Садовой в переулке где-то
Поет поэт.

Поэт и здесь не посторонний. Он сердечко сочувствует незнакомой радости.

Чужая удача для поэта дорога, как наступление весны. Он счаст-

В дни, когда молоты патриоты
Усезали на ноюстройки Сибири
и Дальнего Востока, одна из радио-передач, помяните, начиналась интересными, запоминающимися стихами. В поэтических строках перед слушателями развертывались несомненные горизонты северной земля, где

...То влизины добри и смалы,
То в изначис ошевные льды.
То заснеженных гор иерувелы,
То трещущих вьюг и вьюды...
То обманут все небо зарницы,
Туманом и туманом в горах,
То в морщинах змырал
Встретит солнце, северн радун...

Стихи эти были взяты из книги Ивана Дремова «Весенний свет» (издательство «Советский писатель», 1956). Цикл стихов о северной земле занимает в книге немалое место, но почти все они посвящены теме прихода и освоения этой как поднебесник из стихотворения «Весна в тайге»:

...И в ответ на зов теплинки,
Всей землей вбитан сон.
Мелко сияет, мелко синий,
Поднял голову цывет.

В стихе, разумеется, все же дышит силой и мужеством, Дремов был не проездом и не в творческой командировке. В 30-х годах, окончив Педагогический институт в Москве, поэт добровольно поехал работать на север Сибири и провел там несколько лет.

лив оттого, что жизнь людей становится все лучше, богаче, веселее.

Что-то
Новое в мире.
Человечеству хочется песни.
Людю мыслить о людю, о мире.
Мир без песни
Но не чуждосны.

В то же время поэт гениально обрывается в своих стихах на врагах мира и жизни, на всякого рода приверженцев рутини и косности, сухих резинеров и догматиков, пытающихся регламентировать даже полет птиц. Нанбольшее отращение вызывают у него трусливые и беспринципные люди, эти страусы, эти извивающиеся на дорогах нашей жизни змеи:

И вольшег мило бросила змея:
У извядого судуба сполз!
Но в это знамя, что так изольшег —
Жить, извиваясь и сползая...

Среди лучших стихов нового сборника Л. Мартынова нельзя не отметить такие мастерски отчеканенные, волнующие, яркие поэтические метафоры, богатый ритмическим разнообразием, внутренней перекличкой рифм, звучными аллитерациями. Все это делает их запоминающимися, приближает к форме.

Стихи Л. Мартынова интересны своей необычайной четкостью, выразительностью, они густо насыщены метафорами, богаты ритмическим разнообразием, внутренней перекличкой рифм, звучными аллитерациями. Все это делает их запоминающимися, приближает к форме.

«Нить» в отношении к очень немногим стихотворениям сборника «Мороз». «Бывает так: во время стужи», «Камни» хотелось бы пожелать автору добиться большей прозрачности и простоты.

Нет сомнения, что новая книга Л. Мартынова, замечательного, большого поэта, вызовет интерес у молодого читателя.

Ир. КОЗЕВ

«ВЕСЕННИЙ СВЕТ»

«Весенний свет» не первая тетрадь начинающего автора, а книга зрелого, возмужавшего поэта со своим голосом, не громким, но выделяющимся в хоре наших поэтических голосов. Рядом с новыми произведениями, написанными в последние годы, в книгу вошли стихи, выдержавшие испытание временем. Лучшее из них — «Встреча Ленина», еще до войны вошедшее в хрестоматии. Образы и просто автор показывает, как «стрелухи Питера всего» встречают своего любимого вождя. Мы видим, как двинулся навстречу выходящему из вагона Ленину

...Матери с печальными глазами,
Счадими, сбитыми тулоу,
Юноши с трыновыми рюкзакми,
Дети, потрещивши свой дом,
видим, как

...Прометорими оаренный,
По изначис холмодин, изприванн.
За собою уведит знамена,
Двигается бесмертвеем, бровням...

Дремов готовил новую книгу тогда, тщательнее отбирал стихи для нее. Но, мне кажется, он вместе с пеленами отсыта и пишениу. У исповедуюсь доверенно, стихи Дремова — о детстве, о студенческой поре. Многие из них могли бы занять место в этой книге.

В то же время — не обязательно было включать в нее некоторые, сами по себе неплохие, но так называемые «проходные» вещи, про-

де «В ночном», «Весенний развел мех», «Лирика» и другие. Из-за этих байонтов, раздвинувших меха уже в книгах многих поэтов, из-за того, что Дремов слишком подробно рассказал о своем детстве и юности, получили несколько расплывчатый и неясный образ лирического героя...

Иван Дремов умеет «живописать словом», как говорил Горький. (Кстати, Алексей Максимович когда-то обратил внимание на первые стихи Дремова, печатавшиеся в альманахе «Вчера и сегодня».)

В книге «Весенний свет» есть интересные, несколько странные образы людей. Это кузнец Трофим и зенек Егор из одноименных стихов. Шофер, бывший фронтюк; купавшаяся девушка из стихотворения «Снежесть». Эта девушка дана, как на акварели:

...Трещитут носые всплесны
набрюнувшими трещинами.
И розовую полосу
ты двинулся по ресничкам,
И образы летит на плечи,
И холод идет со дня,
И холод идет со дня,
Целует тебе волосы...

Но удачнее всего у Дремова получаются зарисовки родной природы, она живет в его стихах, цветет, переживает всем красками, начиная с первых строк, открывающих книгу:

Путь отсветом дальней зарницы
набрюнувшими трещинами,
и кончая завершающим ее стихами о слючке, которая слон

На ветру студеном,
Средь туманов и туманов
В плытьи зленом...

Читатель, познакомившись с творчеством Ивана Дремова, вправе ожидать от этого поэта новой, интересной книги. Дремов может и должен, не размениваясь на пустяки, арде стихов, банальностей, смелее и ярче рассказать читателю и о сегодняшних днях и о своем трудном, но радостном жизненном пути — от воспитанника детского дома до передового советского гражданина, коммуниста, как говорил он в одном из своих юношеских стихотворений,

... в аветы Ильича
неутопящую любовью сына.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

«ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ»

В небольшой книге В. Паленова «Друзья-товарищи» изданной «Молодой гвардией», повествуется о работе комсомольских групп на промышленных предприятиях города Иваново и Ивановской области. Комсомольские группы активно участвуют в социалистическом соревновании, в борьбе за выполнение государственных заданий, за бережливое отношение к социалистической собственности.

Комсомольские активисты в этой книжке работают много интересного из опыта работы молодежных коллективов Ивановского и Тейковского хлопчатобумажных комбинатов, а также фабрик «Красная Талка», имени Баренцовой, имени Балашова.

ПОВЕСТЬ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ КАПИТАНА ДЕМЕНТЬЕВА

См. «Смену» № 17.

В портовый город Н., захваченный гитлеровцами, сброшен на парашюте советский разведчик капитан Дементьев под именем некоего офицера капитана Рюерта. Он должен проникнуть в порт и получить возможность сообщать по радио Советскому командованию об отравляемых в Германию транспортах, на которые гитлеровским командованием пыталось вывезти свои дивизионы, оружейные в районе города Н.

В первую же ночь капитан Дементьев устроился в гостинице для офицеров и знакомится там с майором Занделем, раскормившимся в этом знакомством для проникновения в порт. Утром, завтракая с майором в ресторане, Дементьев хитро завоевывает доверие Занделя, и тот обещает ему помочь...

— Бывают лица, которые открыты умственно.

— Я знаю, знако, — поспешило согласился майор.

— Что касается извержения, которое вы мне привели в начале разговора, я скажу вам plainly, — Дементьев сделал торжественное лицо, — наш фюрер. На него я и возлагаю свои надежды. Только на него.

— Конечно, конечно! — испуганно согласился майор. — Больше мы ни на кого надеяться не можем.

— Если бы вы помогли мне устроиться, я был бы вам весьма благодарен, — сказал Дементьев. И это его «если» содержало в себе и некий особый смысл, в котором майор не мог не почувствовать чуть заметную угрозу. — Я офицер, имеющий фронтный опыт, но, увы, не имеющий никаких связей, а боюсь в резерве без дела и не смогу, просто не выдержу. Уйду на фронт рядовым! — Последние слова Дементьев произнес так искренне, что майор посмотрел на него с жалостью и подумал, что перед ним сидит тип самый честный и в честности своей осязающийся фронтный офицер, боиться которого не следует, а помочь которому нужно.

— Как с нами связаться? — спросил майор. — Если я не успеваю жить куда-нибудь раньше, чем в огнем, мы будем вместе каждую ночь, — ответил Дементьев. — Если же я перейду на частную квартиру, я через два — три дня загляну к вам вечером. Можно?

— Спасибо.

После завтрака Дементьев расплатился за двоих.

— Сегодня — я. Пока я бродил по болотам, у меня не было расходов и появились сбережения. Как говорится, нет хуже бед добра.

Майор засмеялся.

— Предпочитаю сбережения без буждения по русским болотам.

— Они дружки протислись, и Дементьев пошел в город.

5

В зале почта была многолюдно. «Молодежь» — подумал Дементьев о хозяйке явки. — Знает, где устраивать встречу.

Дементьев нарочно пришел сюда за час до назначенного времени. Он хотел посмотреть, как Павел Арвидович будет вести себя, ожидая встречи. А главное, Дементьев опасался провалов. Ведь Павел Арвидович он не знал. И, может быть, ответный пароль был сказан неправильно потому, что его произносили не хозяйки явки... Цепким взглядом Дементьев обнаружил весь зал почтама. Ничего похожего на то, что здесь готовится закладка, он не заметил.

За столом, где люди писали телеграммы, Дементьев выбрал место, откуда ему открывался почти весь зал почтама и вход. Купил бумагу и конверт, он, подслушав обдумывая каждую фразу, начал писать в Берлин, дорогой и любимой своей жене Лизетте. Самое удивительное было в том, что если бы кто-нибудь решил выяснить, существует ли в Берлине по адресу Александринка, 4, квартира 15, такая Лизетта, он ее там обнаружил бы. Больше того, она сказала бы, что уже давно ждет письма от своего мужа Пауля Рюерта. Дементьев и весь аппарат оперативного отдела во главе с полковником Довгалевым, разработавшая операцию, подумали о миготке.

Павел Арвидович Дементьев узнал сразу и даже немного огорчился. Очень уж было заметно, что старик явился на свидание Дементьев надеждою: пусть старик немного осязается и перестанет вертеть головой по все стороны. Павел Арвидович сделал круг по залу и стался около газетного киоска, где все время толпились люди. «Вот это правильно», — вслух прошептал он старика.

Спрятав недобрые мысли в карман, Дементьев встал и подошел к киоску. Старик скользнул по нему настороженным взглядом, но, видимо, не узнал ночного гостя. Купил несколько газет, Дементьев протиснулся посмотрел на старика.

— Позвольте, вы, кажется, хозяин квартиры, где живет военный врач Нельзе? Я не ошибаюсь?

— Да, это я, — дрогнувшим голосом ответил старик.

— Ну как он там? Жив, здоров? Он сейчас дома? — Дементьев спрашивал громко, чтобы все слышали, а чем идет разговор. — Вы сейчас домой? Идемте, я хочу поведать вашего жильца.

Не давая старушке опомниться, Дементьев взял его под руку, и они вышли из почтама.

— Нельзе, а за углом, кафе «Луна», — тихо сказал старик. — Заходите туда через десять минут.

— Хорошо, — так же тихо прошептал Дементьев в сторону вперед. Он проследовал мимо кафе, дошел до перекрестка, постоял там и направился обратно.

В кафе было пусто, и снова прослушав доклада из неизвестности хозяйки явки. Ну почему в пустом кафе немецкий офицер должен подсаживаться к столу, занятую старой штатской хозяйкой? На это сразу могут обратить внимание. Но делать было нечего. Дементьев сел за столик к столу, на котором сидел Павел Арвидович.

— Можно за вас

— Конечно, конечно! — испуганно согласился майор. — Больше мы ни на кого надеяться не можем.

— Пожалуйста...

Когда Дементьев сел и взял меню, старик тихо сказал:

— Не беспокойтесь, это место надежное, хозяйка кафе — наш человек. Так вот. Мои квартира сейчас для вас не пригодна. Я вынужден был взять квартиру. В домах, которые поблизости от штаба, они живут почти в каждой семье. Учите.

— Кто это Гримм?

— Гестапо. А кем он там, черт их знает. Весьма строгий господин. Уходит рано, приходит поздно. И больше я о нем ничего не знаю.

— Как же, кто подделывает вы?

— Ничего. Связи нет уже третий месяц.

— Есть что-нибудь важное?

— Да. Они начинают эвакуировать войска морем.

— Кто нам известно. Еще что?

— Усилились аресты.

— Знаем.

Павел Арвидович замолчал, рассматривая свои лежащие на столе старческие, жилистые руки.

— Не огорчайтесь, Павел Арвидович. Я знаю, какую пользу вы принесли нашей армии. Спасибо вам. Я приду к вам только затем, чтобы взять радио.

— Конечно, вы месинг равны, — виновато улыбнулся старик, — как хорошо можно было все устроить, я бы сдал вам комнату.

— Нет, все равно. У меня совсем другой план. Ну, я пошел. До свидания, Павел Арвидович.

6

Город жил странной жизнью. С утра до вечера все улицы его были заполнены военными. В этой серо-зеленой толпе редко-редко можно было увидеть человека в штатском. Военные вступали в трамвазы, магазины, кафе, рестораны, гостиницы. Но что бы ни делали они, в их поведении и даже в их облике чувствовалась напряженность и трепета. Все эти люди в шинелях, плащах, кожаных регланах ни на минуту не забывали о том, что они окружены, что никакого контршпионажа на «мешках» не будет, что война идет на подступах к Берлину и отсюда только один путь к спасению — через морские ворота города, домой, на родину.

И лишь воинская дисциплина, которой они подчинились почти фанатично, удерживала их от того, чтобы не броситься в порт захватывать места на морских транспортах. Каждый вечер в ресторанах, а то и прямо на улице среди военных вспыхивали скандалы. Они возникали из-за того, что кто-то неуважительно выразился о фюрере, либо, наоборот: из-за того, кому-то надоели ссылки и упования на божественный гений Гитлера...

На площади перед портом Дементьев подошел к группе офицеров, собиравшихся около легкой машины. Их было пятеро. Дементьев

— Конечно, конечно! — испуганно согласился майор. — Больше мы ни на кого надеяться не можем.

спросил, не знают ли они, где помещается комендант порта.

— Вот там! — Один из офицеров показал в сторону одноэтажного дома.

Все пятеро смотрели на Дементьева настороженно и в то же время воспринимательно.

— Отвядь? — спросил, не выдержав, один из них.

— Да нет, — безразлично ответил Дементьев. — Не могу найти гура для своего полка.

— Неужели сюда еще прибывают грузы и они кому-нибудь нужны? — обращаясь не к Дементьеву, а куда-то в сторону, спросил высокий офицер с багровым шармом на лице; шарм у него подергивался, было похоже, что офицер все время подмигивает кому-то.

— Ответить вам не могу, — сухо произнес Дементьев. — Мне приказано найти гура, и я должен выполнить приказ. Извините... — Он слегка поклонился и ушел.

В коридоре комендантского дома кипела вереваня толчея, в которой Дементьеву нетрудно было затеряться и пробить незаметность те 10—15 минут, после которых он мог выйти на улицу. Дементьев внимательно прислушивался к галдежу людей, заполнивших коридор. Да, все они говорили об одном — об эвакуации из мешка.

Выйдя на площадку, Дементьев увидел, что офицеры, к которым он подошел, продолжают стоять на том же месте. Поровнявшись с ними, он виновато улыбнулся высокому офицеру со шармом и сказал:

— Кажется, вы были правы. Налею mildly и над моим грузом довольно зло посмеялись.

— Весь вопрос сейчас в том, — снова не глядя на Дементьева и как бы продолжая начатый разговор, сказал офицер со шармом, — весь вопрос в том, когда инстинкт стадия «бруто» — Берлин.

— Как... это помнать? — Дементьев изобразил на лице крайнюю растерянность, если не испуг.

Поленький, розовощекий майор сухим, скрипящим голосом выкрикнул:

— Это надо помнать так, что майор Ренке начинает ападать в женскую истерию! — Розовощекий злобным взглядом вцепился в высоко-го со шармом.

— В армее как майор Аурбах — насмешило отпаривал тот, — вил в действие со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Среди офицеров вспыхнула отчаянная перепанья. Они принялись повсюду друг друга. Извините, мне некогда! — Дементьев быстро зашагал прочь.

Уже на другой стороне площадки он огарно-вался. Офицеры все еще продолжали что-то кричать. «Очень хорошо, господа офицеры, очень хорошо...» — произнес про себя Дементьев.

Дементьев приступил к поискам квартиры. В тихой узенькой улочке, недалеко от порта, он вошел в подъезд первого попавшегося дома, поднялся на второй этаж и остановился перед дверью какой-то квартиры. Нажал кнопку звонка. Дверь тотчас же открылась, словно хозяин ждал звонка. Перед Дементьевым стоял мужчина с холмным лбом, одетый в дорогой меховатый халат.

— Кто вам угодно? — спросил он на плохом немецком языке.

— Не кого, а что, — усмехнулся Дементьев. — Мне нужна комната.

— Но...

— Не торопитесь говорить «но», сейчас не то время, когда офицеры рейха могут случайно это услышать! — Отступив мужчине, Дементьев прошел в прихожую и закрыл дверь.

— Выслушайте меня, господин оберст... Человек в халате говорил уже простительно.

— Ну, ну... Дементьев деловито рассматривал просторную обстановку.

— Моя квартира не подлежит заселению. Достаточно высокой чиновник, господин Мельх, в случае чего рзрешния мне ссылались на него. Давайте освобожу вас по телефону.

— Не беспокойтесь, я буду только извещать... Дементьев небрежно комузнул хозяину и вышел на лестницу.

«С квартиры не вышло, но зато мы знаем теперь о существовании некоего Мельха, который занимается квартирами. Может пригодиться...» С этой мыслью Дементьев шел по улице, примыкающей себе другой дом.

Между тем день был уже на исходе, всего

Очень уж было заметно, что старик явился на свидание.

только первый день пребывания в этом городе. А сколько событий уже пережил!

О грозящей опасности Дементьев, конечно, помнил все время. Но не это чувство определяло его поступки. Вель он мог и не пойти ночью в штаб, а затем в гостиницу. Мог переночевать где-нибудь в укромном местечке, найти которое в большом городе всегда можно. Увидя на портовой площади офицеров, он мог обойти их стороной, а если не только подошел к ним, но и вступил с ними в разговор. Вот и сейчас он мог бы пойти отдохнуть в уже знакомую ему гостиницу. Но он туда не торопился, а упрямо хотел уже сегодня найти свое собственное жилье. Очевидно, у людей его профессии особый склад ума и характера.

Вот он на площадке второго этажа другого дома. Перед ним дверь, аккуратно обитая черной клеенкой, с тщательно надрашенной табличкой:

РУБИС А. А.

Кто он, этот Рубис, так любовно ухаживающий за своей дверью? Коммерсант? Врач? Чиновник? Дементьев нажал кнопку в виде глаза з медной головке льва. Дверь открыла молодая девушка. Ее голубые запялканые глаза при виде немецкого офицера испуганно расширились, она неловко отступила назад и крикнула:

— Мама!

Дементьев, не раздумывая, шагнул в квартиру и захлопнул дверь. В переднюю вышла высокая седая, но моложаго выглядящая женщина. И она, увидев немецкого офицера, застыла на месте с испуганным выражением лица.

— Просту извините меня, мадам, — обратился к ней Дементьев. — Меня привела к вам необходимость. Нет ли у вас для меня свободной комнаты? Неделю на две. Я, конечно, заплачу. Отсыз जाता, а жить где-то надо. И городу приходится делить с нами тяжесть положения.

— Дементьев сказал уже с мягкой, подкупающей улыбкой.

— Пройдите сюда, — растерянно произнесла женщина.

Она вошла в просторный, со вкусом обставленный кабинет. По стенам были развешены картины, много картин, и, как usual заметил Дементьев, все они хорошие. Женщина пригла-

сила Дементьева сесть в кресло, а сама опустилась на диван. Она в упор рассматривала Дементьева и молчала.

— Это квартира художника Рубиса... — затворила она наконец, — но его нет... — Женщина поднялась во рту плачюк. — Он посланцев умер, сегодня мы с дочерью его похоронили...

Дементьев встал:

— Я прошу извинить меня, мадам. Искренне сочувствую вашему горю... Он столь, скорбно склонил голову, думая, что наисво в этой квартире ему и надо поселиться. — Может, как никто другой, — продолжил он, — я понимаю ваше горе. У меня в Берлине погибли все мои близкие. Все... Дементьев сделал движение, будто собрался уйти.

— Одну минуточку, господин офицер... Садитесь, пожалуйста... Я хочу спросить у вас совета... Женщина подошла к столу, отсыкала там какую-то бумагу и протянула ее Дементьеву. — Вот. Примерно полгода назад мой муж получил от ваших властей вот эту охранныю бумагу...

Дементьев быстро пробежал документ глазами. В нем говорилось, что художник Рубис А. А. является выжившим жонившем и что находился в его квартире коллекция картин поналеется зашитою администрации. Подпись под документом — Мельх.

Дементьев с трудом подавал улыбку: этот Мельх попадает ему полюбительно на каждом шагу. Но в данном случае Мельх помог Дементьеву принять правильное решение. Гость стал внимательно всматриваться в картину.

— Какая прелесть! Огромный мастер! Ах, как хорошо! — тихо восклицал он, переводя взгляд от картины к картине. — Да, все это великая ценность. Я вот думаю, достаточно ли прочная защита — бумажка из рестаго? Объясните какой-нибудь хам, а такие в нашей армии, увы, имеются, планет на эту бумажку и вывесит все картины. Вель хамы, мадам, тоже разбираются иногда в ценностях... — Боже, что вы говорите! — в ужасе прештала женщина.

— Подобный инцидент был в Риге. Там один профессор лятьдесят лет коллекционировал флюфер. Он собрал вещь, которым нет цены. И вот отгадчик к нему на квартиру совершенно случайно забрели два солдата, они сделали обычный обход. Им понравились красивые вещицы профессора, и, не известно, чем бы все это кончилось, если бы в квартире профессора не жил наш офицер. Он услышал шум, вышел из своей комнаты и, узнав, в чем дело,

выставил солдат. А представляете, что могло случиться? Итальянский фарфор соединяет века в солдатском мешке... Подобрать вещь художника этот трагический сюжет с благополучным концом, Дементьев старательно делал вид, что расказав не имеет никакого отношения к его визиту и что он сейчас распрощается и уходит.

Приманка сработала: жена художника предложила Дементьеву поселиться в ее квартире. — Инга! — громко позвала хозяйка. В кабинет вошла девушка, которая открыла Дементьеву дверь. — Познакомись.

Дементьев шелкуша каблуками и склонил голову: — Капитан Пауль Рюкерт. — Инга Рубин, — чуть слышно промолвила девушка. — Господин Рюкерт будет у нас жить, —

ев издали заметил, что пропуска эти предвзятые патрулю, но как выглядят они, разведчик не знал. Дементьев знал, что если он не получит пропуск на оперативный приказ, все его старания полдут прахом и задание он не выполнит. Между тем все в порту говорило о том, что эвакуация войск должна начаться в самое ближайшее время.

Охваченный тревогой, Дементьев вернулся на квартиру. Хозяйка позвала его ужинать, но он отказался, сославшись на головную боль, заперся в своей комнате, сел к столу и стал напряженно обдумывать создавшееся положение. Чтобы не вызвать любопытства хозяйки, он погасил свет.

В эту ночь Дементьев не спал. Утром он вышел из дому и направился в отель «Бристоль». Несмотря на то, что в ушах было много военных, Дементьев заметил, что большинство из них только что прибыли с фронта: куцыми они словно бродили от витрины к витрине с видом людей, у которых нет никакого дела. Дементьев непроизвольно ускорил шаг.

В это он подошел к портье: — Я числюсь у вас в триста пятой комнате. Вычеркните меня, я снял квартиру. Майор Зандель еще живет там?

— По-моему, он только что прошел в ресторан. Дементьев сдал ключи в гардероб и вошел в ресторан. Он сразу же увидел майора Занделя, сидевшего за столиком у окна, но сдалый вид, будто не замечает его, и, осматриваясь по сторонам, медленно пошел через зал.

— Рюкерт, идите сюда! — крикнул Зандель. — Прекрасно, фамилию мою он запомнил, — заметил Дементьев, и все-таки, не забыв и этого обстоятельства? С этой мыслью Дементьев направился к столику майора.

Они встретились, как старые друзья. Зандель поздравил офицанта и заказал завтрак для Дементьева. — Сегодня мои очередь уходить... Да, майор помню все. И сейчас он был в городе, тогда настроение, чем тогда? «Итерресно, что тому причина?» — подумал Дементьев, стараясь устылать и грустным.

— Дементьев грустно покачал головой: — Оказывается, есть еще на земле семьи, квартиры, где по утрам пьют кофе, вечером ужинают, читают книги. Я считал, что это бывает только во сне. — За несколько дней вы стали pessimистом... — А вы, наверное, получили гарантию, что русские вас не убьют? — насмешливо спросил Дементьев.

— Плохая шутка, Рюкерт, — помогая, серьезно сказал Зандель. — Просто я написал письмо от своих. Они переехали к моему брату в Гард. Там совершенно спокойно. Вот и вся моя радость.

— Остается только и вам благополучно выбраться отсюда. А затем кто? Потом. Мой рейх — моя семья, — так когда-то говаривали у нас...

— Что с вами, Рюкерт? — В голосе Занделя прозвучала искривленная жалость к жестоко чинившемуся капиталу.

— Да, Себастьян, когда, судя по всему, начнется эвакуация войск из этого проклятого места, я не могу не думать о моей родной дивизии. Она останется в этой земле навеки. А ведь с этой дивизией я маршировал под триумфальной аркой Гитлера. Как приветствовал фюрер. Скажите, майор: зачем я ушел? Я теперь хожу по штабным канцеляриям, кабинетам с одним только делом — пытаюсь доказать чиновникам в мушкетрах, что я жив, что я хочу воевать. А они смотрят сквозь меня оловянными глазами, будто меня нет, будто я убит, как убиты мои дивизии. Послать меня на фронт они, очевидно, стесняются. Они так и скажут: «Не стоит нам испытывать терпение немцев». А они смотрят сквозь меня, пренебрегают. Живите, говорят, здесь, отпахайте. Вы, говорит, достаточно пережили. А я не хочу отдахивать! Не хочу! — Дементьев так стукнул кулаком по столу, что подскочила тарелка.

— Типе, Рюкерт, — майор Зандель осторожно отступил. — Пока вы, забыв обо мне, пропадали, я нашел вам дело... Дементьев посмотрел на Занделя радостно, но с деланным недоверием. — Ну да, вы же офицер, работа не очень сладкая, но все же работа. Я служу в отделе по организации гражданского тыла. Мы занимаемся вывозом отсюда в рейх ценного имущества. Гражданского имущества. Понимаете?

— Конечно, понимаю. Но... разве Германия это имущество еще нужно?

— Мы об этом не думаем, — строго сказал Зандель, — и вам не рекомендую думать. Так вот, два дня назад гестапо изыало из нашего отдела одного офицера.

— За что? — мгновенно спросил Дементьев. — Он отказался выполнить приказ. В общем, он был истериком, наговорил что-то описное начальнику отдела... Да бог с ним. Я сказал начальнику отдела о вас. Сказал хорошо, как нужно, и он согласился с вами поговорить. Мы пойдём к нему теперь же. Его фамилия — Мельх.

Дементьев чуть не расмеялся: опять Мельх.

— Он очень сложный человек, — продолжал Зандель, — я знаю его давно, мы вместе учились в офицерской школе. Вы же офицер, вы быстро сделаете карьеру, хотя на фронте не были ни разу, занимались гражданскими тылами. Злые языки болтают, будто он на той работе скотловит состояние. Я не знаю, и в конце концов это — его личное дело. У него громадные связи. Я видел фотографию, где он стоит вдвоем с Борманом. Недавно он показал мне личное письмо, полученное им от Розенберга. Немного хвастлив. Но голова у него могучая. Работать умеет. Организатор, каляк по всякому.

Через час Дементьев вместе с Занделем был в кабинете Мельха.

В просторной комнате за громадным столом сидел маленький человек. Над полированной латунной столой, как серый буторок, возвышалась его голова. Когда Зандель и Дементьев вошли, буторок шевельнулся, и тотчас из-за стола высочил Мельх. Тот в ежике его волос уже поблескивала седина, он походил на подростка. Мягкие, как у юноши, черты лица, румянец на гладких щеках, капризный рот. И только глаза — большие, голубые, темные.

Мельх подворовался с Дементьевым. Рука у начальника отдела оказалась жесткой, сильной. Мельх провед офицеров в угол кабинета, где стоял низкий стол, окруженный несколькими креслами. Когда все уселось, Зандель сказал: — Вот это и есть тот капитан Рюкерт, о котором я вам говорил.

Мельх не сводил прямого взгляда с Дементьевом. Они смолкли друг другу в глаза и молчали.

— Зандель сказал вам, в чем состоит наша работа? — спросил наконец Мельх.

— Да. Но не в деталях, — твердо ответил Дементьев.

— Но вы не сомнений в необходимости нашей работы для Германии?

(Продолжение следует.)

— Ах, как хорошо! — тихо восклицал он, переводя взгляд от картины к картине.

скавала ей мать. — Так ужено, Инга, не бойся, все будет хорошо...

Итак, Дементьев обрел собственное жилище. Вскоре он уже улегся на диване спать. Все складывалось как нельзя лучше.

— Спокойной ночи, Пауль Рюкерт. — Дементьев улыбнулся и мгновенно заснул.

Три дня Дементьев буквально не отходил от порта. Форма капитана гитлеровской армии позволила ему проникать и туда. Порт заняли довольно большую территорию. Корабль были расщеплены на внешнем рейде. Дементьев узнал о существовании какого-то оперативного приказа на узкой косе, далеко возвышающейся в море. Из случайного разговора ему стало известно также, что корабли будут грузиться только так. На эту косу Дементьеву пройти не удалось. Для прохода туда командование ввело специальные пропуска. Дементьев

ли последние приготовления к традиционному вечеру встреча бывших выпускников 45-й школы. Зал, в котором намечалось торжество, был оглашен.

Назначенный час еще не наступил, и гости, которые уже прибыли, рекомендовалось пока прийти степенно. Длинное пальто было застегнуто доверху. Особенной популярностью пользовались отдели «Ба, знакомые все лица!», «Прощайствования», «Объявления». Они давали юные представления о том, кто женился, кто вышел замуж, кто помынен по службе, премирован, награжден, уволен. Успех этих отделов объяснялся еще и тем, что оформленные их занималось известные карикатуристы — Бабочкин и Бобочкин.

— О, это шарж на Леву Кудряшкина! Кстати, где он сейчас? Не то на Крайнем Севере, не то на Дальнем Востоке. Он же географ-этнограф!

— Кудряшкин находится на 55-м градусе 31-й минуте 17-й секунды северной широты и 33-м градусе 11-й минуте 2-й секунды восточной долготы, — уточнила только что вошедший в зал мужчина, всем, кроме бороды, напоминавший Кудряшкина. Все оглянулись.

— Лева! Приехал-таки! Откуда?

— Из Средней Азии... Сколько лет прошло, а координаты нашей школы я не забываю. Еще был из того, что в это время не мог ни определить, где двоечку по географии поставила. На всю жизнь запомнил!

Друзья принялись вспоминать своих соучеников. Лева признал Клим Сорочкин, с пятого по десятый класс был влюблен в Клаву Травкину и потому зарисовал сердцами, пронзенными стрелами, почти все парты в классе. Оказалось, что тогдашнее увлечение Сорочкина сердцами не было случайным, — ныне он один из многообещающих хирургов-сердечников.

— А где сейчас Ада? — спросила Клава Травкина. — Опять нигде не знает?

В верхнем углу стеногазеты в венке из веточек красовалась симпатичная девочка физиономии: Ада Курбатова была круглой от личиной и считалась самой хорошей девушкой в школе. Все знали, что после получения аттестата зрелости она поступила в консерваторию на вокальный факультет, а затем след ее затерялся. Только однажды, года три назад, Ада дала о себе знать: на вечер встречи она прислала коро-

теньское поздравительное письмо. В конверт был вложен адрес: «Клима вокальных вечеров — Ада Курбатова. Следите за афишами!».

— Слава вскружила ей голову, — заметил Бабочкин.

— Забыть о сегодняшнем дне! Хоть бы телеграмму прислала! — вздохнул Бобочкин.

— Когда вечер окончился, один из нас, любивший задавать скучные вопросы, спросил у заучка Марии Павлоны:

— Почему у вас не очень радостное, а скорее подавленное настроение?

ты сводила меня в фотографию и сняла на большую карточку. Мой портрет приклеют на стеногазету...

И мама, повзвонив дочери эффектный башмак, вела ее в фотостудию.

Каждый год первого сентября в школу приходили фотокорреспонденты гадать. Отходя с учительницей в сторону, они начинали шептаться, кто же из учениц заслужит почетный на пленку (Мальчинок, как известно, снимают редко: они стрижены и одеты в нефотogenicные гимнастерки, а у девочек и косички с бантиками и белые переднички с «крылышками».)

Рисунки Е. Гурова.

— На вечер не было Ады Курбатовой, нашей лучшей ученицы, — подумал, сказала Мария Павлоны. — Жизнь ее, как мне стало известно, сложилась не очень славно. Я весь день размышляла о судьбе Ады и убедилась, что я и мои коллеги-педагоги во многом виноваты...

Мы переживаем то, что узнали от Марии Павлоны, изменив лишь некоторые фамилии и имена.

Папа Ады Курбатовой был известным в городе врачом, мама — знаменитой портнихой. В доме Курбатовых царил достаток, но девочку не базовали, относились к ней с нужной строгостью. Воспитанию и образованию ребенка родители уделяли довольно много времени. И, когда Ада пошла в первый класс, она уже довольно много читала и знала таблицу умножения исключительно по пятью пать.

Дома Ада убирала свою комнату, помогала маме. В школе перед уроками попевала в хоре. В утреинках получала премии за декламацию стихов. Родители и педагоги не могли нахвалиться ребенком. Но только сейчас, анализируя все происшедшее и поднимаясь «по реке времени» к истокам, Мария Павлоны отыскивала те ручейки мертвой воды, которые сейчас не осознаваемо, то, во всяком случае, надобно испробовать Аде жизни.

...Учеба девочке давалась легко, а слава первой ученицы приятно кружила голову.

Мама, — сообщила однажды Ада, вернувшись из школы, — сегодня учительница сказала, что

— Вот на первой парте Ада Курбатова. Она у нас образец, — подсаживала учительница.

— Так в прошлом году я уже снимал ее...

— Ну что это? Девочка завоевала это право своей учебной и примерным поведением. Потом, насколько я помню, вы тогда снимали для другой газеты.

И фотокорреспонтер капитулировал. Трувало было устоять перед обаянием, чтобы не снять такую роющуюму, аккуратнейшую девочку. Ада уже умела принимать нужные позы, и стилист с ее милой мордочкой производила впечатление на редакторов.

Ада была именинницей не только по первым сентябрю, но и по другим, отнюдь не дедским датам. Когда например, собирался городской слет дворников, поваров или казначеев низовых профсоюзных организаций, то присутствие от имени школьников всегда возлучала производила Ада Курбатова. Еще бы! Все классы идет на пятачок, несет всеклассно общественных нагрузок, солнурет в хоре, на публике не робеет.

С горчицей от возбуждения глазами она бойко произносила заученное занусть приветствие, срывала бурю аплодисментов и, вся светясь от радости, спускалась с трибуны. Ада чувствовала за своей спиной нравилось, когда ее хвалили. И если один дети находили удовольствие в играх и шалостях, Ада мечтала только о том, чтобы быть поглаженной по голове. И в этой головке постепенно начинало утверждаться мнение, что она,

Ада, лучше, выше, способнее, наконец, просто талантливее своих сверстников и равной ей нет.

А между тем, Ада далеко не так. Правда, Ада училась по-прежнему на отлично. Но она никогда не знала больше, чем нужно, не улекаялась ни одним из предметов. Она честно зубрила «от» и «до». Когда молодой преподаватель физики попытался выудить от Курбатовой что-либо более глубокого, чем простое изложение изложенного в учебнике. Ада запротестовала:

— Я знаю то, что положено знать!

Ада кокетливо поглядывала на него, тряхнула кудряшками и пошла в свое место. Однако физик поставил ей все же четверку.

Заравневшегося физика пригласили к директору.

— Курбатова нельзя ставить у нас у нас девять лет круглая отличница! В чем дело? Ведь она отвечает правильно?

— Да, — подтвердил физик. — Но у нее несомнительное мышление. Нет творческого подхода к науке.

— Милый, — сказал директор, улыбувшись. — Этот порок есть не только у детей... Ведь она не ошиблась в ответе?

— По мне пусть лучше ошибаются... — начал запальчиво физик, но директор его перебил:

— Это у нас от молодости, от неопытности!

И физик уступил.

Школу Ада окончила с золотой медалью и подала заявление в

консерваторию: голос у Курбатовой не очень большой, но был. К тому же несколько лет домашних занятий с двумя педагогами — пеня и игры на фортепиано — не прошли даром. Аду прилили на вокальный факультет.

Но как только медальница Ада переступила порог консерватории, триумфы, которые сопровождали ее детство, кончились. Правда, мама и папа считали, что все по-прежнему обстоит отлично, что их Адик — гений. Она будет ездить на международные конкурсы, на фестивали, и стены докторской квартиры покрываются афишами на иностранных языках. Но об этом больше думали родители, чем сама Ада. С некоторых пор она размышляла в основном о настоящем, а не о будущем. В классе профессора Воскобойникова Ада не считалась кприрмой. И ей, питавшейся славой в течение десятилетия, вдруг приходилось быть

простой, обыкновенной, ordinarily. Было грустно оттого, что она не имела морального права говорить со своими конкурсиями с некоторым превосходством. Жизнь оказалась труднее, будничнее, случается, чем она рисовалась раньше...

Не желая подавать вида, что у нее не все идет так, как хотелось бы, Ада при встречах со знакомыми кокетливо улыбалась и сообщала о своих мнимых успехах:

— Сама Шумская сегодня сказала Воскобойникову: «Единственно, в ком я вижу опасную соперницу», — это в Курбатовой». Следите за афишами!

Больше года проучилась она в консерватории, но к новому положению привыкнуть никак не могла.

Неожиданно встретила с эстрадой певец Константин Молодичий, который лечился у доктора Курбатовой от старости, помогала Аде найти выход из тупика.

— У тебя, милочка, явная тяга к легкой музыке, — сказала Константин, высунув несколько песенок в исполнении бляды. — Ты хорошеешь дао ужаса. Я устрою тебя в одну бригаду, где нужна объезжающая певичка... Ты будешь петь...

— Арию Джильды? — заморил от восторга, спросила Ада.

— Нет, куплеты о мороженом «ским». У них театрализованное представление.

— Это не очень понравилось. Но Константин пригласил к себе на помощь своего брата, известного эстрадного администратора, и он развеял все сомнения восходящей звездой.

— К вам придет слава! — с пафосом говорил он. — Вы знаете, что такое эстрада? Это популярность! На симфонические концерты ходят три сотни одних и тех же любителей. На эстрадные — тысячи и тысячи, все слои населения, все возрасты и так далее. У эстрады самая большая реклама. Афишу во весь забор. И на них метрвыми буквами: «Курбатова». Впрочем, если не хотите, я найду еще кого-нибудь...

Но Курбатова была уже согласна.

Первые концерты с бригадой эстрадныхков принесла Аде большое моральное удовлетворение. Ее великолепно принимали: зрители уже давно не видели на эстраде таких молодых и хорошеющих певчих. Ведь на концертных

подмостках господствовали в основном Константин Молодичий...

Вот она, слава!
Когда Ада получила первый гонорар и афишу «Ада Курбатова — лирические песни и куплеты», она первым делом помчалась домой.

Услышав рассказ дочки и увидев афишу, папа схватился за грелку, мама — за холодный компресс: от волнения у папы всегда «тосковала печень», а у мамы «гребла голова».

— Наша дочь на эстраде! — протестная доктор.

Ада хлопнула дверью и отправилась к Молодичиной. Та приняла ее, как родную:

— Наслышана, наслышана о твоих успехах! Триумф! Твой портрет сегодня кто-то вырезал из афиши бригады! Сама афишка! Узнала об одних «успехах» и в консерватории. Перед тем, как начать очередной урок, профессор Воскобойников сказал Курбатовой:

— Вы последнее время небрежно готовитесь... вокабулы забросили... Ходят слухи, что вы где-то на эстраде выступали... Ну, впрочем, итак, это слухи...

— Почему же слухи? — обижено замолчала реснички Ада.

— О мой Бах! — свистнула за голову профессор. — Вы это серьезно...

— Вносите.

— Студентам не разрешено выступать без особого распоряжения. Ведь у вас еще голос понастоящему не поставлен. Надо трудиться и трудиться... Если у вас затруднения материального по-

рядка, то надо было об этом сказать. Но ведь вы, насколько я понимаю, человек обеспеченный?

— Меня здесь зажимают, — решительно сказала Ада. — Должна же я где-то...

— Голубка через три, не раньше...

— А я не хочу ждать! Я буду петь сейчас, завтра, послезавтра! Профессор залопутил крышку клавиатуры.

— Сегодня я с вами занимаюсь не буду, — сказал он. — Походите в деканат и доложите о нашем разговоре! Если декан разрешит вам эстраду, выслушайте, но вернетесь в класс. Но только не в мой. До свидания!

В деканате не поняли высоких стремлений Ады и предложили только объяснить учебный записку. Курбатова хлопнула дверью и убежала.

Через полчаса она сидела на пуфике в буфаре Констанция и плакала.

— Пустяк, — певуче сказала Молодичий. — Твой путь уже определен. С твоими данными я бы покорила все три полушария! А на консерватории свет алчным не сошелся. Я сама консерваторий не кончала. А если тебе так уж нужен диплом, то хуару эстрады отправь тебе учиться в другое место... Он мой приятель.

Когда родители Ады узнали о случившемся, папа тренированными движением схватился за грелку, мама за холодный компресс. Они потребовали, чтобы дочь пошла к Воскобойникову и извинилась, но молодая Курбатова была непреклонна.

— Слишком много у меня в консерватории завистниц, чтобы я могла там учиться, — заявила она. — Ах, мама! Вы не знаете мир искусства! Интриги, подсиживания! Такого человеку так трудно пробиться!

...Ада много ездила. Выступала сначала с одной бригадой, потом с другой. Пела и в кинотеатрах, и в клубах, и залах с плохой акустикой, и в помещениях со сквозняками, с микрофоном и без оного. В результате случилась большая неприятность: она просто-напросто охрипла. «Голос: немного сел», — сказал один из врачей. «Переоутроенность связок», — сказал другой. «Жить тебе, певец, нелегко», — резюмировал третий.

Полагая, что со временем все обойдется, Ада уехала на курорт и оттуда писала знакомым: «Сама

Шульженко сказала: «Единственно, кто и боготворит Курбатову». Следите за афишами!»

На эстраду «сопернику Шульженко» больше не приглашали. Но тяга к славе не умерла в алчном сердце. И хотя на эстраду пришла Констанция Молодичий, она позанюхала Аду с одним червильным мужчиной. Он говорил с абстрактным акцентом и был главной звездой. И хотя на эстраду Ада была очень нужна. Голос его не смущал.

— У нас, дорогая, все немного хрипит! — объяснил он. — Специфика!

И скоро фамилия Курбатовой замескалась на афишах ивановского хора. Гастроля его проходила далеко от алчного города, и поэтому знакомые и родные ничего не видели.

Но слушания земля полнится, и через некоторое время папа опять схватился за грелку, а мама за холодный компресс: «Сама Ада Черная на днюх публично заявила, что единственно, кто представляет для нее угрозу, — это Курбатова!»

Хор выступал в парках культуры. Ада пела томные романсы, искусно «дрожала плечами», и искусство, сделавшее из жестянок, «было змеено». А червильный гитарист, он же администратор, он же хуару, иступленно кричал: «Чавель!»

Так шумною толпою коцелал ансамбль по эстрадным раковинам, пока наконец изрядно не надоел публике. Но он не хотел умирать: чем меньше народа — тем больше, это кониатра, и агрессивнее становилась афиша: «Спешите! Последние представления!»

Выступления действительно оказались последними. Сделавшись внутренними протрионарными, ансамбль распался на две части. Но вести самостоятельный образ жизни половина не могла: на целый вечер не хватало ни репертуара, ни солистов.

Пришлось работать по ресторанам. Однако алчного голоса теперь не хватало даже на то, чтобы «обслужить» двадцать столиков.

Когда она вернулась в свой город и постучала в дверь алчного дома, там дождливо пахло сивухой: «Открылась или нет?», — родной дочери она не узнала.

— Пенне — это не мое признание, — сообщила Ада родителям.

И пока папа жаловался за грелку, а мама за компресс, Ада изложила им свой план: поступаю работат диктором...

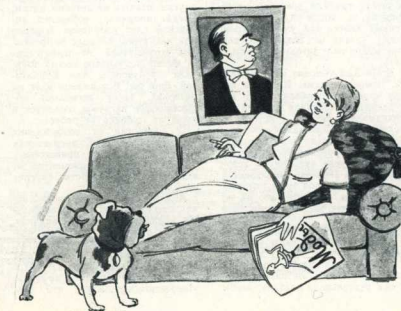
Неужели сам Левитан будет петь твоим конкурентом? — попытался иронизировать папа, заметив басовые интонации в голосе дочери.

Ирония оказалась пророческой: конкурса на замещение вакантных дикторских мест Ада не выдержала. Кто-то из знакомых посоветовал ей поступить на филологический факультет и/или в педагогический. Но Ада раздраженно ответила:

— Это поздно. И вообще я ушла.

А вскоре она уехала в другой город и вышла замуж за одного известного певца, человека уже немолодого. Теперь она живет мужниной славою...

Бор. ЕГОРОВ,
Ян ПОЛИЩУК,
Бор. ПРИВАЛОВ

КАКУЩЕ ПЬЮЩИМ ВЕДЕТ

Текст и фото В. Рабинина.

С дрессировщицей Маргаритой Назаровой и тигром Пуршем я позанимался год назад в Московском цирке во время фотосъемки очередной программы. В последнем отделении укротительница выступала с четырьмя уссурийскими тиграми.

Молодая артистка заставляла огромного тигра Ахила ходить по узкой перелатке, тигрицу Ряду прыгать с места плавающим обруч, а лежачего, набравшего Пурша крутить на курабель, на которой важно восседал его четвероногий поддлин.

Снимать все это через прыжки клетку было трудно и неприятно. Но здесь мне на помощь пришла дрессировщица Константин Александрович Константиновский — и Маргарита Назарова. Он указал мне наиболее выгодную позицию для съемки, посоветовал, на каких моментах надо обратить внимание, и предостерег остаться после представления — посмотреть репетицию нового номера, который назывался «Пуршии затравят». Номер этот был задуман и выполнен блестяще.

«На арену с огромным красным блатом на шею выходил Пурш и лениво разваливался на диване. Укротительница ласково обращалась к нему, говоря: «Ну, Пуршик, довольно отдыхаться, нужно немножко поработать». А перед тем я утонул тебя затравкою».

Далше следовал полный юмора «затравка». За небольшой столиком, уставленный тарелочками и блюдами (кроме предназначенных к нему), на обычный стул садился тигроуполитрамовый зверь. Рядом, в простом домашнем платье, сидела Маргарита Назарова. Сначала она наливала в одно из блюдец молоко. Пуршик с удовольствием его выпивал. Затем на саворудку разбавлялось несколько сырых яиц. И тут Назарова, вспоминая, что она забыла соль, отклонилась в сторону. Тигр мгновенно вылизывал саворудку, возвращалась к ней, вылизывала, сосулику размыла руками, объяснила своему «гостю», что виничку без соли не годится. Занимая затравку, укротительница и тигр с интересом просматривали иллюстрированную «журнал».

Недавно, во время поездки по

новостройкам Сибири, я снова встретил Назарову и Константиновского. Они выступали в Новосибирском цирке уже не с четырьмя, а с шестью тиграми. Сильные артисты закончили дрессировку двух молодых хищников, около года назад пойманных в тайге под Хабаровском.

То, что я увидел здесь, за кулисами цирка, превзошло все мои представления о чудесах дрессировки: Пуршии свободно входил в комнату Маргариты Назаровой, забирался на покрытый ковровым диван, номично рассматривал себя в зеркале и, смучив нос в пудреницу, забавно чихал, поднимая при этом облако пудры.

Мне рассказали о его отвращении к запахам духов, одоленоло и туалетного мыла. Но, как выяснилось, больше всего четвероногий артист не любит запах алкоголя. — Стоило мне, — говорит Константин Александрович, — в морозный день выпить кружку пива, как

Клетка с Пуршем установлена на палубе. Можно отглатывать.

Пурши отказался со мной репетировать номер и самовольно ушел с арены в клетку. Мы с Маргаритой... продолжал Константин Александрович... внимательно изучая привычки и характер наших животных, и мне очень хотелось бы видеть, как будет себя вести на лоне природы тигр, пропавший четыре года в клетке».

Так возникла идея «загородной прогулки» с Пуршем.

Местом для прогулки был избран небольшой, покорный кустарников островок, посредине реки Оби, в восьми километрах от Новосибирска.

Сначала озабочен в непривычной обстановке, зверь на ременном поводке прошел по трапу на борт лодки, где для него была установлена клетка. Присутствовавшие на пристани наблюдали необычного путешественника с почтительного расстояния.

Намеченная катя причала к острову. Опасаясь неожиданностей в поведении животного, я и кинооператоры Новосибирской студии документальных фильмов, появившаяся реплика с Пуршем, заняли места в установленной на острове большой клетке. На берегу у трапа, встан дрессировщик Константиновский и работница цирка удаляющаяся за зверем. В руках у них были палки и пистолеты, заряженные холостыми патронами.

Маргарита Назарова открыла клетку и завела тигра на остров. Почувствовав запах свежей зелени, Пурши вылезал из рук укротительницы и бросился в кусты. Сделав несколько кругов по острову, он вышел на берег...

Окружающая вода казалась нам надежной гарантией того, что зверь с острова не убежит, ведь тигр — большая кошка, а кошки не любят воду...

Каково же было удивление и испуг присутствовавших, когда Пурши с разбега плюхнулся в воду и поплыл к противоположному берегу, где на золотистом песке плава затеряли отдаленный Пропаля сотню метров и, видимо, услышав отчаянные крики: «Пурши, назад! Пуршик, Пуршик!», плывец повернул обратно, вышел на берег и, отряхнувшись, начал срывать растущую вдоль берега траву.

Ни треск киноаппаратов, ни щелканье затворов его, ловидиому, совершенно не интересовали. В основном и вышли из своего добровольного заточения.

В этот момент дрессировщик бросил в воду волевобольный мяч. Пурши прыгнул вслед за ним, и тут началось необычное ига в затравке, в которой участвовали Пурши и Маргарита Назарова. Очень скоро, к сожалению, полая в зубы и Пурши, мяч издал печальный свист, скорчился и пошел на дно. Купание чередовалось с прогулкой по острову — и так в течение часа. Наконец, помытому, утомившемуся, Пурши подошел к Назаровой и улегся к ее ногам. Немного отдохнув, к величайшему удивлению присутствующих, зверь без всякого принуждения взошел по трапу на лодку и улегся в клетку, как бы давая понять, что прогулкой он доволен, но все-таки пора домой.

После полуторачасового водного путешествия Пурши по трапу сошел на землю.

К прогулке он привык.

Но эта прогулка была особенной: Пурши оказался в родной обстановке, на лоне природы.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

«СМЕНЫ»

(Продолжение, начало см. в №№ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16 журнала)

РЕЗУЛЬТАТЫ 5-го РАЗДЕЛА ОЛИМПИАДЫ

В пятый, заключительный раздели нашей Олимпиады мы предисказали читателям «Смены» прогнозировать результаты в конкурсе на лучшее комментирование пришло участие 560 человек. Среди рассмотрено все представленные комментарии и определены результаты.

По 15 победителей из 20 возможных получили:

А. Кутергин (г. Омск), С. Намоченный (г. Одесса), А. Никольев (г. Сивино, Волог.), В. Барендун (г. Ир-

кутск), В. Озеров (г. Дзержинский, Ярослав.), А. Онинченко (г. Черкассы), И. Семенов (г. Ленинград), П. Е. Фединин (г. Москва); по 14 победителей из 20 возможных: В. Андричев (г. Юрмала, Новгородская область), Ф. Ахметов (г. Алма-Ата), П. Антуступ (г. Тарту), П. Ахматов (г. Куйбышев), И. Алемасов (г. Копельск, Челябинской области), В. Бессонов (г. Астана), В. Вахитов (г. Башкирия), М. Абушанин (Московской области), В. Горбунов (г. Вресь), В. Гусельников (г. Ляблинг,

Краснодарского края), П. Голосовский (г. Кронштадт, Ленинградской области), В. Мурманский (Волгоград), В. Курьянов (г. Сталинград, Московской области), Г. Амаров (г. Нуланс), С. Ключко (с. Борзово, Томской области), А. Куткин (г. Москва), М. Лучнов (г. Комсомольск-на-Амуре), Ю. Ляднев, В. Лемин и О. Беляев (г. Москва), А. Мельцер (г. Станислав), И. Ребелльский (г. Нижний Новгород), Г. Руднев (г. Иркутск), К. Сиверский (г. Алматы). Это победители пятого раздела олимпиады.

КОНКУРСНЫЕ ПАРТИИ

Партия № 1

Эта интересная, содержательная партия сыграна в 1925 году на большом международном турнире в Багдаде. Владельцем шахматистами того времени гроссмейстерами Рудольфом Шпильманом и Альфредом Рубинштейном.

Белые — Шпильман, черные — Рубинштейн.

1. e4, e5 2. Кf3, Кс3 3. Кс3, Кf4 4. Сб5, Кк4. Это так называемая защита Рубинштейна в дебюте 4 коней. Лучшим на белых сторонах было бы 5. 0—0, чтобы после 5... К:б5 6. К:б5 впасть под удар коня, а затем сосредоточить силы в развитии.

В случае 5. К:к4 6. e5 7. еf:е6 (около для черных) и 8. С:д2, черные в 0—0 Сет 10. Сс3 Ф:д3 11. Дс1 Ф:к5 12. Ф:к4 13. С:е4 игра приобретает сложный техничный характер.

5. К:е5, Ф:к7 6. e4, К:к5, 7. К:к5, 4:е 8. К:з, Ф:к4 9. К:к5, 4:к6 10. К:рз, Ф:к5.

6. К:е5, Ф:к7 6. e4, К:к5, 7. К:к5, 4:е 8. К:з, Ф:к4 9. К:к5, 4:к6 10. К:рз, Ф:к5.

5. К:е5, Ф:к7 6. e4, К:к5, 7. К:к5, 4:е 8. К:з, Ф:к4 9. К:к5, 4:к6 10. К:рз, Ф:к5.

11. Ф:к7 12. К:к5 13. К:к4 14. С:д2 15. С:е4 16. С:е4 17. С:е4 18. К:к5 19. К:к5 20. Л:а1 21. Л:а1 22. Ф:к4 23. Л:а1 24. Ф:к4 25. Л:а1 26. Ф:к4 27. С:д2 28. Л:а1 29. С:д2 30. Ф:к4 31. Ф:к4 32. Л:а1 33. К:к5 34. Ф:к4 35. Ф:к4 36. Ф:к4 37. К:к5 38. Ф:к4 39. К:к5 40. Ф:к4 41. Ф:к4 42. С:д2 43. Л:а1 44. Ф:к4 45. Ф:к4 46. Ф:к4 47. С:д2 48. Л:а1 49. С:д2 50. Ф:к4 51. Ф:к4 52. Л:а1 53. Л:а1 54. Ф:к4 55. Ф:к4 56. Ф:к4 57. К:к5 58. Ф:к4 59. К:к5 60. Ф:к4 61. Ф:к4 62. С:д2 63. Л:а1 64. Ф:к4 65. Ф:к4 66. Ф:к4 67. К:к5 68. Ф:к4 69. К:к5 70. Ф:к4 71. Ф:к4 72. С:д2 73. Л:а1 74. Ф:к4 75. Ф:к4 76. Ф:к4 77. К:к5 78. Ф:к4 79. К:к5 80. Ф:к4 81. Ф:к4 82. С:д2 83. Л:а1 84. Ф:к4 85. Ф:к4 86. Ф:к4 87. К:к5 88. Ф:к4 89. К:к5 90. Ф:к4 91. Ф:к4 92. С:д2 93. Л:а1 94. Ф:к4 95. Ф:к4 96. Ф:к4 97. К:к5 98. Ф:к4 99. К:к5 100. Ф:к4 101. Ф:к4 102. С:д2 103. Л:а1 104. Ф:к4 105. Ф:к4 106. Ф:к4 107. К:к5 108. Ф:к4 109. К:к5 110. Ф:к4 111. Ф:к4 112. С:д2 113. Л:а1 114. Ф:к4 115. Ф:к4 116. Ф:к4 117. К:к5 118. Ф:к4 119. К:к5 120. Ф:к4 121. Ф:к4 122. С:д2 123. Л:а1 124. Ф:к4 125. Ф:к4 126. Ф:к4 127. К:к5 128. Ф:к4 129. К:к5 130. Ф:к4 131. Ф:к4 132. С:д2 133. Л:а1 134. Ф:к4 135. Ф:к4 136. Ф:к4 137. К:к5 138. Ф:к4 139. К:к5 140. Ф:к4 141. Ф:к4 142. С:д2 143. Л:а1 144. Ф:к4 145. Ф:к4 146. Ф:к4 147. К:к5 148. Ф:к4 149. К:к5 150. Ф:к4 151. Ф:к4 152. С:д2 153. Л:а1 154. Ф:к4 155. Ф:к4 156. Ф:к4 157. К:к5 158. Ф:к4 159. К:к5 160. Ф:к4 161. Ф:к4 162. С:д2 163. Л:а1 164. Ф:к4 165. Ф:к4 166. Ф:к4 167. К:к5 168. Ф:к4 169. К:к5 170. Ф:к4 171. Ф:к4 172. С:д2 173. Л:а1 174. Ф:к4 175. Ф:к4 176. Ф:к4 177. К:к5 178. Ф:к4 179. К:к5 180. Ф:к4 181. Ф:к4 182. С:д2 183. Л:а1 184. Ф:к4 185. Ф:к4 186. Ф:к4 187. К:к5 188. Ф:к4 189. К:к5 190. Ф:к4 191. Ф:к4 192. С:д2 193. Л:а1 194. Ф:к4 195. Ф:к4 196. Ф:к4 197. К:к5 198. Ф:к4 199. К:к5 200. Ф:к4 201. Ф:к4 202. С:д2 203. Л:а1 204. Ф:к4 205. Ф:к4 206. Ф:к4 207. К:к5 208. Ф:к4 209. К:к5 210. Ф:к4 211. Ф:к4 212. С:д2 213. Л:а1 214. Ф:к4 215. Ф:к4 216. Ф:к4 217. К:к5 218. Ф:к4 219. К:к5 220. Ф:к4 221. Ф:к4 222. С:д2 223. Л:а1 224. Ф:к4 225. Ф:к4 226. Ф:к4 227. К:к5 228. Ф:к4 229. К:к5 230. Ф:к4 231. Ф:к4 232. С:д2 233. Л:а1 234. Ф:к4 235. Ф:к4 236. Ф:к4 237. К:к5 238. Ф:к4 239. К:к5 240. Ф:к4 241. Ф:к4 242. С:д2 243. Л:а1 244. Ф:к4 245. Ф:к4 246. Ф:к4 247. К:к5 248. Ф:к4 249. К:к5 250. Ф:к4 251. Ф:к4 252. С:д2 253. Л:а1 254. Ф:к4 255. Ф:к4 256. Ф:к4 257. К:к5 258. Ф:к4 259. К:к5 260. Ф:к4 261. Ф:к4 262. С:д2 263. Л:а1 264. Ф:к4 265. Ф:к4 266. Ф:к4 267. К:к5 268. Ф:к4 269. К:к5 270. Ф:к4 271. Ф:к4 272. С:д2 273. Л:а1 274. Ф:к4 275. Ф:к4 276. Ф:к4 277. К:к5 278. Ф:к4 279. К:к5 280. Ф:к4 281. Ф:к4 282. С:д2 283. Л:а1 284. Ф:к4 285. Ф:к4 286. Ф:к4 287. К:к5 288. Ф:к4 289. К:к5 290. Ф:к4 291. Ф:к4 292. С:д2 293. Л:а1 294. Ф:к4 295. Ф:к4 296. Ф:к4 297. К:к5 298. Ф:к4 299. К:к5 300. Ф:к4 301. Ф:к4 302. С:д2 303. Л:а1 304. Ф:к4 305. Ф:к4 306. Ф:к4 307. К:к5 308. Ф:к4 309. К:к5 310. Ф:к4 311. Ф:к4 312. С:д2 313. Л:а1 314. Ф:к4 315. Ф:к4 316. Ф:к4 317. К:к5 318. Ф:к4 319. К:к5 320. Ф:к4 321. Ф:к4 322. С:д2 323. Л:а1 324. Ф:к4 325. Ф:к4 326. Ф:к4 327. К:к5 328. Ф:к4 329. К:к5 330. Ф:к4 331. Ф:к4 332. С:д2 333. Л:а1 334. Ф:к4 335. Ф:к4 336. Ф:к4 337. К:к5 338. Ф:к4 339. К:к5 340. Ф:к4 341. Ф:к4 342. С:д2 343. Л:а1 344. Ф:к4 345. Ф:к4 346. Ф:к4 347. К:к5 348. Ф:к4 349. К:к5 350. Ф:к4 351. Ф:к4 352. С:д2 353. Л:а1 354. Ф:к4 355. Ф:к4 356. Ф:к4 357. К:к5 358. Ф:к4 359. К:к5 360. Ф:к4 361. Ф:к4 362. С:д2 363. Л:а1 364. Ф:к4 365. Ф:к4 366. Ф:к4 367. К:к5 368. Ф:к4 369. К:к5 370. Ф:к4 371. Ф:к4 372. С:д2 373. Л:а1 374. Ф:к4 375. Ф:к4 376. Ф:к4 377. К:к5 378. Ф:к4 379. К:к5 380. Ф:к4 381. Ф:к4 382. С:д2 383. Л:а1 384. Ф:к4 385. Ф:к4 386. Ф:к4 387. К:к5 388. Ф:к4 389. К:к5 390. Ф:к4 391. Ф:к4 392. С:д2 393. Л:а1 394. Ф:к4 395. Ф:к4 396. Ф:к4 397. К:к5 398. Ф:к4 399. К:к5 400. Ф:к4 401. Ф:к4 402. С:д2 403. Л:а1 404. Ф:к4 405. Ф:к4 406. Ф:к4 407. К:к5 408. Ф:к4 409. К:к5 410. Ф:к4 411. Ф:к4 412. С:д2 413. Л:а1 414. Ф:к4 415. Ф:к4 416. Ф:к4 417. К:к5 418. Ф:к4 419. К:к5 420. Ф:к4 421. Ф:к4 422. С:д2 423. Л:а1 424. Ф:к4 425. Ф:к4 426. Ф:к4 427. К:к5 428. Ф:к4 429. К:к5 430. Ф:к4 431. Ф:к4 432. С:д2 433. Л:а1 434. Ф:к4 435. Ф:к4 436. Ф:к4 437. К:к5 438. Ф:к4 439. К:к5 440. Ф:к4 441. Ф:к4 442. С:д2 443. Л:а1 444. Ф:к4 445. Ф:к4 446. Ф:к4 447. К:к5 448. Ф:к4 449. К:к5 450. Ф:к4 451. Ф:к4 452. С:д2 453. Л:а1 454. Ф:к4 455. Ф:к4 456. Ф:к4 457. К:к5 458. Ф:к4 459. К:к5 460. Ф:к4 461. Ф:к4 462. С:д2 463. Л:а1 464. Ф:к4 465. Ф:к4 466. Ф:к4 467. К:к5 468. Ф:к4 469. К:к5 470. Ф:к4 471. Ф:к4 472. С:д2 473. Л:а1 474. Ф:к4 475. Ф:к4 476. Ф:к4 477. К:к5 478. Ф:к4 479. К:к5 480. Ф:к4 481. Ф:к4 482. С:д2 483. Л:а1 484. Ф:к4 485. Ф:к4 486. Ф:к4 487. К:к5 488. Ф:к4 489. К:к5 490. Ф:к4 491. Ф:к4 492. С:д2 493. Л:а1 494. Ф:к4 495. Ф:к4 496. Ф:к4 497. К:к5 498. Ф:к4 499. К:к5 500. Ф:к4 501. Ф:к4 502. С:д2 503. Л:а1 504. Ф:к4 505. Ф:к4 506. Ф:к4 507. К:к5 508. Ф:к4 509. К:к5 510. Ф:к4 511. Ф:к4 512. С:д2 513. Л:а1 514. Ф:к4 515. Ф:к4 516. Ф:к4 517. К:к5 518. Ф:к4 519. К:к5 520. Ф:к4 521. Ф:к4 522. С:д2 523. Л:а1 524. Ф:к4 525. Ф:к4 526. Ф:к4 527. К:к5 528. Ф:к4 529. К:к5 530. Ф:к4 531. Ф:к4 532. С:д2 533. Л:а1 534. Ф:к4 535. Ф:к4 536. Ф:к4 537. К:к5 538. Ф:к4 539. К:к5 540. Ф:к4 541. Ф:к4 542. С:д2 543. Л:а1 544. Ф:к4 545. Ф:к4 546. Ф:к4 547. К:к5 548. Ф:к4 549. К:к5 550. Ф:к4 551. Ф:к4 552. С:д2 553. Л:а1 554. Ф:к4 555. Ф:к4 556. Ф:к4 557. К:к5 558. Ф:к4 559. К:к5 560. Ф:к4 561. Ф:к4 562. С:д2 563. Л:а1 564. Ф:к4 565. Ф:к4 566. Ф:к4 567. К:к5 568. Ф:к4 569. К:к5 570. Ф:к4 571. Ф:к4 572. С:д2 573. Л:а1 574. Ф:к4 575. Ф:к4 576. Ф:к4 577. К:к5 578. Ф:к4 579. К:к5 580. Ф:к4 581. Ф:к4 582. С:д2 583. Л:а1 584. Ф:к4 585. Ф:к4 586. Ф:к4 587. К:к5 588. Ф:к4 589. К:к5 590. Ф:к4 591. Ф:к4 592. С:д2 593. Л:а1 594. Ф:к4 595. Ф:к4 596. Ф:к4 597. К:к5 598. Ф:к4 599. К:к5 600. Ф:к4 601. Ф:к4 602. С:д2 603. Л:а1 604. Ф:к4 605. Ф:к4 606. Ф:к4 607. К:к5 608. Ф:к4 609. К:к5 610. Ф:к4 611. Ф:к4 612. С:д2 613. Л:а1 614. Ф:к4 615. Ф:к4 616. Ф:к4 617. К:к5 618. Ф:к4 619. К:к5 620. Ф:к4 621. Ф:к4 622. С:д2 623. Л:а1 624. Ф:к4 625. Ф:к4 626. Ф:к4 627. К:к5 628. Ф:к4 629. К:к5 630. Ф:к4 631. Ф:к4 632. С:д2 633. Л:а1 634. Ф:к4 635. Ф:к4 636. Ф:к4 637. К:к5 638. Ф:к4 639. К:к5 640. Ф:к4 641. Ф:к4 642. С:д2 643. Л:а1 644. Ф:к4 645. Ф:к4 646. Ф:к4 647. К:к5 648. Ф:к4 649. К:к5 650. Ф:к4 651. Ф:к4 652. С:д2 653. Л:а1 654. Ф:к4 655. Ф:к4 656. Ф:к4 657. К:к5 658. Ф:к4 659. К:к5 660. Ф:к4 661. Ф:к4 662. С:д2 663. Л:а1 664. Ф:к4 665. Ф:к4 666. Ф:к4 667. К:к5 668. Ф:к4 669. К:к5 670. Ф:к4 671. Ф:к4 672. С:д2 673. Л:а1 674. Ф:к4 675. Ф:к4 676. Ф:к4 677. К:к5 678. Ф:к4 679. К:к5 680. Ф:к4 681. Ф:к4 682. С:д2 683. Л:а1 684. Ф:к4 685. Ф:к4 686. Ф:к4 687. К:к5 688. Ф:к4 689. К:к5 690. Ф:к4 691. Ф:к4 692. С:д2 693. Л:а1 694. Ф:к4 695. Ф:к4 696. Ф:к4 697. К:к5 698. Ф:к4 699. К:к5 700. Ф:к4 701. Ф:к4 702. С:д2 703. Л:а1 704. Ф:к4 705. Ф:к4 706. Ф:к4 707. К:к5 708. Ф:к4 709. К:к5 710. Ф:к4 711. Ф:к4 712. С:д2 713. Л:а1 714. Ф:к4 715. Ф:к4 716. Ф:к4 717. К:к5 718. Ф:к4 719. К:к5 720. Ф:к4 721. Ф:к4 722. С:д2 723. Л:а1 724. Ф:к4 725. Ф:к4 726. Ф:к4 727. К:к5 728. Ф:к4 729. К:к5 730. Ф:к4 731. Ф:к4 732. С:д2 733. Л:а1 734. Ф:к4 735. Ф:к4 736. Ф:к4 737. К:к5 738. Ф:к4 739. К:к5 740. Ф:к4 741. Ф:к4 742. С:д2 743. Л:а1 744. Ф:к4 745. Ф:к4 746. Ф:к4 747. К:к5 748. Ф:к4 749. К:к5 750. Ф:к4 751. Ф:к4 752. С:д2 753. Л:а1 754. Ф:к4 755. Ф:к4 756. Ф:к4 757. К:к5 758. Ф:к4 759. К:к5 760. Ф:к4 761. Ф:к4 762. С:д2 763. Л:а1 764. Ф:к4 765. Ф:к4 766. Ф:к4 767. К:к5 768. Ф:к4 769. К:к5 770. Ф:к4 771. Ф:к4 772. С:д2 773. Л:а1 774. Ф:к4 775. Ф:к4 776. Ф:к4 777. К:к5 778. Ф:к4 779. К:к5 780. Ф:к4 781. Ф:к4 782. С:д2 783. Л:а1 784. Ф:к4 785. Ф:к4 786. Ф:к4 787. К:к5 788. Ф:к4 789. К:к5 790. Ф:к4 791. Ф:к4 792. С:д2 793. Л:а1 794. Ф:к4 795. Ф:к4 796. Ф:к4 797. К:к5 798. Ф:к4 799. К:к5 800. Ф:к4 801. Ф:к4 802. С:д2 803. Л:а1 804. Ф:к4 805. Ф:к4 806. Ф:к4 807. К:к5 808. Ф:к4 809. К:к5 810. Ф:к4 811. Ф:к4 812. С:д2 813. Л:а1 814. Ф:к4 815. Ф:к4 816. Ф:к4 817. К:к5 818. Ф:к4 819. К:к5 820. Ф:к4 821. Ф:к4 822. С:д2 823. Л:а1 824. Ф:к4 825. Ф:к4 826. Ф:к4 827. К:к5 828. Ф:к4 829. К:к5 830. Ф:к4 831. Ф:к4 832. С:д2 833. Л:а1 834. Ф:к4 835. Ф:к4 836. Ф:к4 837. К:к5 838. Ф:к4 839. К:к5 840. Ф:к4 841. Ф:к4 842. С:д2 843. Л:а1 844. Ф:к4 845. Ф:к4 846. Ф:к4 847. К:к5 848. Ф:к4 849. К:к5 850. Ф:к4 851. Ф:к4 852. С:д2 853. Л:а1 854. Ф:к4 855. Ф:к4 856. Ф:к4 857. К:к5 858. Ф:к4 859. К:к5 860. Ф:к4 861. Ф:к4 862. С:д2 863. Л:а1 864. Ф:к4 865. Ф:к4 866. Ф:к4 867. К:к5 868. Ф:к4 869. К:к5 870. Ф:к4 871. Ф:к4 872. С:д2 873. Л:а1 874. Ф:к4 875. Ф:к4 876. Ф:к4 877. К:к5 878. Ф:к4 879. К:к5 880. Ф:к4 881. Ф:к4 882. С:д2 883. Л:а1 884. Ф:к4 885. Ф:к4 886. Ф:к4 887. К:к5 888. Ф:к4 889. К:к5 890. Ф:к4 891. Ф:к4 892. С:д2 893. Л:а1 894. Ф:к4 895. Ф:к4 896. Ф:к4 897. К:к5 898. Ф:к4 899. К:к5 900. Ф:к4 901. Ф:к4 902. С:д2 903. Л:а1 904. Ф:к4 905. Ф:к4 906. Ф:к4 907. К:к5 908. Ф:к4 909. К:к5 910. Ф:к4 911. Ф:к4 912. С:д2 913. Л:а1 914. Ф:к4 915. Ф:к4 916. Ф:к4 917. К:к5 918. Ф:к4 919. К:к5 920. Ф:к4 921. Ф:к4 922. С:д2 923. Л:а1 924. Ф:к4 925. Ф:к4 926. Ф:к4 927. К:к5 928. Ф:к4 929. К:к5 930. Ф:к4 931. Ф:к4 932. С:д2 933. Л:а1 934. Ф:к4 935. Ф:к4 936. Ф:к4 937. К:к5 938. Ф:к4 939. К:к5 940. Ф:к4 941. Ф:к4 942. С:д2 943. Л:а1 944. Ф:к4 945. Ф:к4 946. Ф:к4 947. К:к5 948. Ф:к4 949. К:к5 950. Ф:к4 951. Ф:к4 952. С:д2 953. Л:а1 954. Ф:к4 955. Ф:к4 956. Ф:к4 957. К:к5 958. Ф:к4 959. К:к5 960. Ф:к4 961. Ф:к4 962. С:д2 963. Л:а1 964. Ф:к4 965. Ф:к4 966. Ф:к4 967. К:к5 968. Ф:к4 969. К:к5 970. Ф:к4 971. Ф:к4 972. С:д2 973. Л:а1 974. Ф:к4 975. Ф:к4 976. Ф:к4 977. К:к5 978. Ф:к4 979. К:к5 980. Ф:к4 981. Ф:к4 982. С:д2 983. Л:а1 984. Ф:к4 985. Ф:к4 986. Ф:к4 987. К:к5 988. Ф:к4 989. К:к5 990. Ф:к4 991. Ф:к4 992. С:д2 993. Л:а1 994. Ф:к4 995. Ф:к4 996. Ф:к4 997. К:к5 998. Ф:к4 999. К:к5 1000. Ф:к4 1001. Ф:к4 1002. С:д2 1003. Л:а1 1004. Ф:к4 1005. Ф:к4 1006. Ф:к4 1007. К:к5 1008. Ф:к4 1009. К:к5 1009. Ф:к4 1010. Ф:к4 1011. Ф:к4 1012. С:д2 1013. Л:а1 1014. Ф:к4 1015. Ф:к4 1016. Ф:к4 1017. К:к5 1018. Ф:к4 1019. К:к5 1019. Ф:к4 1020. Ф:к4 1021. Ф:к4 1022. С:д2 1023. Л:а1 1024. Ф:к4 1025. Ф:к4 1026. Ф:к4 1027. К:к5 1028. Ф:к4 1029. К:к5 1029. Ф:к4 1030. Ф:к4 1031. Ф:к4 1032. С:д2 1033. Л:а1 1034. Ф:к4 1035. Ф:к4 1036. Ф:к4 1037. К:к5 1038. Ф:к4 1039. К:к5 1039. Ф:к4 1040. Ф:к4 1041. Ф:к4 1042. С:д2 1043. Л:а1 1044. Ф:к4 1045. Ф:к4 1046. Ф:к4 1047. К:к5 1048. Ф:к4 1049. К:к5 1049. Ф:к4 1050. Ф:к4 1051. Ф:к4 1052. С:д2 1053. Л:а1 1054. Ф:к4 1055. Ф:к4 1056. Ф:к4 1057. К:к5 1058. Ф:к4 1059. К:к5 1059. Ф:к4 1060. Ф:к4 1061. Ф:к4 1062. С:д2 1063. Л:а1 1064. Ф:к4 1065. Ф:к4 1066. Ф:к4 1067. К:к5 1068. Ф:к4 1069. К:к5 1069. Ф:к4 1070. Ф:к4 1071. Ф:к4 1072. С:д2 1073. Л:а1 1074. Ф:к4 1075. Ф:к4 1076. Ф:к4 1077. К:к5 1078. Ф:к4 1079. К:к5 1079. Ф:к4 1080. Ф:к4 1081. Ф:к4 1082. С:д2 1083. Л:а1 1084. Ф:к4 1085. Ф:к4 1086. Ф:к4 1087. К:к5 1088. Ф:к4 1089. К:к5 1089. Ф:к4 1090. Ф:к4 1091. Ф:к4 1092. С:д2 1093. Л:а1 1094. Ф:к4 1095. Ф:к4 1096. Ф:к4 1097. К:к5 1098. Ф:к4 1099. К:к5 1099. Ф:к4 1100. Ф:к4 1101. Ф:к4 1102. С:д2 1103. Л:а1 1104. Ф:к4 1105. Ф:к4 1106. Ф:к4 1107. К:к5 1108. Ф:к4 1109. К:к5 1109. Ф:к4 1110. Ф:к4 1111. Ф:к4 1112. С:д2 1113. Л:а1 1114. Ф:к4 1115. Ф:к4 1116. Ф:к4 1117. К:к5 1118. Ф:к4 1119. К:к5 1119. Ф:к4 1120. Ф:к4 1121. Ф:к4 1122. С:д2 1123. Л:а1 1124. Ф:к4 1125. Ф:к4 1126. Ф:к4 1127. К:к5 1128. Ф:к4 1129. К:к5 1129. Ф:к4 1130. Ф:к4 1131. Ф:к4 1132. С:д2 1133. Л:а1 1134. Ф:к4 1135. Ф:к4 1136. Ф:к4 1137. К:к5 1138. Ф:к4 1139. К:к5 1139. Ф:к4 1140. Ф:к4 1141. Ф:к4 1142. С:д2 1143. Л:а1 1144. Ф:к4 1145. Ф:к4 1146. Ф:к4 1147. К:к5 1148. Ф:к4 1149. К:к5 1149. Ф:к4 1150. Ф:к4 1151. Ф:к4 1152. С:д2 1153. Л:а1 1154. Ф:к4 1155. Ф:к4 1156. Ф:к4 1157. К:к5 1158. Ф:к4 1159. К:к5 1159. Ф:к4 1160. Ф:к4 1161. Ф:к4 1162. С:д2 1163. Л:а1

ЗДЕСЬ ОРУДУЕТ СКУКА

Недавно «Детям» поручил нам побывать в городе Калинин и посмотреть, как молодежь проводит свой досуг, что интересного, занимательного придумали инициативные комсомольские вожаки, работники, как известно, под неслабым вниманием и руководством обкома и горкома ВЛКСМ. С фотоаппаратом в руках мы начали небольшое путешествие по дворцам культуры, красным уголкам, стадионам города. И вот...

I
Чрезвычайно убедительная штука:
Взглянул —
и все становится ясным.
Перед нами реклама:
«СКУКА —
МАССАМ!»

II
Парк культуры. Ограда надежная.
Танцы — из вечера в вечер...
А вот витающей молодежи
Просто заняться нечем.
Скука, скука... Что делать с нею!
Мы не нашли ответа,
С какой стороны ограды скучнее:
С той или с этой...

На Калининском вагоностроительном заводе работает около трех тысяч юношей и девушек. Завод имеет свой стадион...

III
Где же ты, задор спортивный, молодой!
Унылость вокруг, запустение.
Зарастают дорожки травой-лебедею
И прочими подобными растениями.
А хочется видеть перед глазами,
Как секретаря райкома —
загорелый и ловкий —
Весело беседует с друзьями,
Отдыхая после тренировок.
Но это мечты...
Он сидит среди бумаг
И в спринтерском темпе
строчит решения:

«...увеличить охват,
усилить размах,
улучшить спортдостижения...»
Составляет он планы детальные,
Графа за графой, лист за листом:
«...человеко-маче-удары,
человеко-диско-метания,
человеко-прыжки с шестом...»
Прочтет —
таким он увидится поэту —
И скажет,
в позу достойную став:
— Я! В трусах!
Подпись авторитет!
Я не мальчишка!
Я рукоस्ताв!
И вот стадиона пустынный простор...
— А вы зачем сюда, друзья-приятель!
— Дядя,
правда,
здесь бывает спорт!
— Нет, ребята,
Тут — мероприятие.

IV
Общешитие «Калининстройа». Вечер. Красный уголок. Наконечно лекцию устроили. Но, наверно, невелик в ней прок. Нуно ли искать помещене шире. Если и тут абсолютно не тесно... Видно, как «дважды два — четыре», Насколько лекция неинтересна. Засыло у всех на лицах Недоуменное выражение: «Зачем повторять нам таблицы Умножения!» А лектор, зарышился в свои тетради, Сеет скуку густо... Путевка отмечена. Все в порядке. Пускай теперь
хоть все разбегутся.

И разбегаются... Валютки в постелях.
В картинши не хочешь —
ногти грызть.
И вот
организуется веселье:
— На тронх
пол-литровочку сооробрам!..

...И вечер разбитый стеклом зазелел.
Кулак взматывается рассерженно.
«Камыш шумел!»
Постовой свистел...
— «Подозрительные задержаны!»

А скука
вне всякого подозрения
Гуляет себе на воле.
В этом городе, к сожалению,
Большое для нее раздолье.

Слешкорреспонденты «Детям»
А. ТОЛМАЧЕВ и А. УЗЛЯН.

Цена номера
2 руб.

